

А. Л. Сергеев

Российская государственность в XXI веке

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

МОНОГРАФИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

МИРОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

РУБЕЖИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МАТРИЦЫ БУДУЩЕГО

И ДР.

Александр Сергеев

**Российская государственность
в XXI веке: основные
проблемы. Монография**

«Проспект»

Сергеев А. Л.

Российская государственность в XXI веке: основные проблемы.
Монография / А. Л. Сергеев — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-221323-8

Настоящая книга посвящена анализу теоретических основ российской государственности и различных аспектов ее функционирования. В работе освещаются сегодняшние наиболее острые социальные, экономические, идейно-смысловые проблемы жизнедеятельности российского государственно-организованного общества и одновременно предлагаются сценарии их дальнейшего разрешения. Особое внимание уделяется постсоветскому пространству как зоне жизненно важных интересов России, а также фундаментальным аспектам российской общественной жизнедеятельности – вопросам образования, семейной политики, конституционного права и правоохранительной системы. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-39-221323-8

© Сергеев А. Л.
© Проспект

Содержание

А. Л. Сергеев	5
Введение	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

А. Л. Сергеев
Российская государственность в
XXI веке. Основные проблемы
Монография

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Введение

Проблематика российской государственности приобрела за последние годы исключительную актуальность. Ей посвящаются круглые столы, большие объемы публикаций, а многие современные политические деятели декларируют укрепление российской государственности в качестве одной из основных стратегических целей. В то же время общетеоретические аспекты указанной тематики до сих пор не освещены и не изучены должным образом. К примеру, даже объем и содержание понятия «государственность» до сих пор остаются дискуссионными. Недостаточно разработаны элементы политико-правовой теории, связывающие феномен государственности с базовыми принципами экономического, регионального и внешнеполитического устройства государства, а также основными составляющими ее генезиса. В настоящей работе делается попытка восполнить указанные пробелы и предоставить собственный вариант решения данного комплекса научных и практических проблем.

В указанной монографии представлен широкий подход в определении феномена государственности. По нашему мнению, он адекватно сможет послужить отражению всего многообразия элементов, определяющих в совокупности жизнедеятельность российского государства и, соответственно, государственно-организованного общества.

Данная работа в то же время имеет не только общетеоретический, но и проблемно-прикладной характер. Сегодняшняя российская государственность, пройдя двадцатилетний путь под флагом и символом вестернизации, столкнулась с глубинными стратегическими системными вызовами. Текущий момент диктует нам необходимость анализа сделанных ошибок, понимания своего нынешнего состояния, а также определения способов ответа на имеющиеся вызовы при четком осознании стратегических и тактических координат своего дальнейшего движения.

В исследовании анализируется текущее историческое, региональное, экономическое и идейно-смысловое измерение сегодняшней российской государственности. В работе производится анализ глубинных внешне- и внутривнутриполитических проблем, с которыми сталкивается современное российское общество и государство вкупе с проработкой возможных реалистичных сценариев их дальнейшего решения.

Книга, однако, была бы неполной, если бы в ней не была бы затронута проблематика постсоветского пространства – зоны исключительных геополитических и геостратегических интересов России. Ведь от того, каким образом на указанной территории будут развиваться социально-политические процессы, напрямую зависит стабильность и безопасность самой России, а во многом и просто возможность ее дальнейшей жизнедеятельности.

Мы выражаем надежду, что наша работа будет интересной для ученого и экспертного сообщества, политических активистов и просто интересующихся политикой, а также принесет практическую пользу при выработке решений по ликвидации множества проблем и противоречий, с которыми каждодневно сталкиваются российский социум и российская государственность и которые являются определяющими факторами непростого состояния, в котором мы все сейчас находимся. Исходя из этого, начнем книгу с оптимистической ноты, с верой в лучшее Завтра для нашей страны, а также в необходимую для этого возможность преодоления сегодняшнего системного кризиса.

Глава 1

Российская государственность: совокупность общетеоретических основ

1.1. Понятие и признаки государственности как социально-политического и социокультурного феномена

Государственность – понятие широкое и многоаспектное. Вопрос о соотношении понятий «государство» и «государственность» является исключительно важным для политической и правовой науки. Первое из них можно считать вполне сформировавшимся. Речь идет о политико-территориальной организации публичной власти, обладающей суверенитетом, осуществляющей сбор налогов и способной создавать правовые нормы. Некоторые авторы относят к признакам государства наличие вооруженных сил, денежной единицы, государственного языка и др.

С понятием и пониманием государственности в современной науке дела обстоят сложнее. Несмотря на то, что многие представители российского политактива и экспертно-научного сообщества нередко используют данный термин в своем обороте, его объем и содержание до сих пор остаются расплывчатыми и неопределенными.

Сегодня Россия как государственное и общественное образование столкнулась с масштабной системой смертельно опасных угроз. Чтобы достойно справиться с трудностями, неизбежно встают вопросы: что именно и как именно в российском социально-государственном поле необходимо укреплять и реформировать, чтобы в обозримом будущем суметь выйти из сегодняшнего крайне непростого положения? Ясно одно: «укрепление государственности», о котором часто заявляют как о стратегической цели многие российские политики, неизбежно должно иметь характер комплексного и капитального ремонта. Чем быстрее в указанный вопрос будет внесена ясность, тем легче будет в дальнейшем представить себе этапы и масштабы соответствующей работы.

Исходя из вышесказанного, начать рассматривать вышеуказанную многоаспектную тематику целесообразнее всего с формулирования собственного определения социально-политического и социокультурного феномена, которому посвящена настоящая книга. На наш взгляд, *государственность – это система основополагающих начал, идентифицирующих государственно-организованное общество и обуславливающих его воспроизводство.*

Проблематика классификации различных видов государственности не является простой. Можно с определенной уверенностью говорить о российской, французской или немецкой государственности, подразумевая под этими словами, прежде всего, историческую преемственность, связь времен и периодов в единое целое, то, что в течение смены многих эпох определяло жизнь и жизнедеятельность каждого конкретного народа. Данный вопрос является исключительно тонким, ибо определенный тип государственности при таком измерении заканчивается тогда, когда доля преемственности в матричных основах жизнедеятельности страны становится исключительно малой либо исчезает совсем. Можно ли, к примеру, современную Италию называть преемницей Римской империи, прибавляя к исторической итальянской государственности древнеримский период? Думается, что это едва ли будет корректным. В то же время период Османской империи как многовековой отрезок современной турецкой государственности рассматривать возможно, ибо уровень преемственности и структура идейно-смысловых основ османского и современного турецкого государств является несоизмеримо большей, нежели в первом изложенном случае.

В рамках одной большой многовековой государственности в зависимости от исторической эпохи целесообразно выделять систему ее видов и подвидов. Дореволюционная, совет-

ская и постсоветская государственности, к примеру, имеют очевидные отличия, составляя в то же время одну единую цельность – государственность общероссийскую.

Для идентификации различных типов и разновидностей государственности необходима целая система структурных элементов, представляющих в сумме своей систему маркеров, которые позволят определить, где заканчивается одна государственность и начинается другая. Попытаемся их выделить и сформулировать, делая преимущественно акцент на российскую специфику. Такой подход будет в большей степени отвечать нашей проблематике и сделает наши теоретические положения более наглядными.

Прежде чем мы начнем это делать, необходимо, однако, сделать еще одну оговорку. Каждый структурообразующий элемент государственности, так же как и государственность в целом, имеет свои глубинные матричные коды. Важнейшей задачей целого комплекса юридических и социально-политических наук является их тщательное исследование, изучение и конечная формализация. В рамках одной книги сделать это едва ли возможно. Исходя из этого, нашей непосредственной задачей на данный момент является лишь обрисовка и формулирование контуров вышеуказанной проблематики, знания по которой в дальнейшем должны неуклонно наращиваться.

Итак, перейдем к последовательному перечислению структурообразующих элементов государственности и их раскрытию.

1. Организация и особенности функционирования государственно-властной системы. В ней наиболее четко можно увидеть вековую преемственность, матричные коды государственности в целом, переходящие от одной эпохи к другой. К примеру, между дореволюционной и советской государственностью, несмотря на внешние различия, видится исключительно много общего: идеократический характер государства (там смыслообразующей идеологией выступало православие, здесь – коммунизм), значительная централизация власти, исключительная значимость личностного фактора в процессе управления страной (полномочия глав государств в обе исторические эпохи были чрезвычайно широки), министерская система, основанная на единоначалии, национально-территориальные автономии, чей вес часто определялся силой и встроенностью местной элиты в общегосударственный процесс, положение русского народа в качестве общество- и государствообразующего и многое другое.

Слабое изучение ментальных основ российской государственно-властной системы при попытке интегрировать постсоветскую государственность в лоно европейской цивилизации в последние десятилетия часто приводило к серьезным ошибкам в государственном строительстве. К примеру, административная реформа начала 2000-х годов, проводившаяся по образцу американской государственно-властной системы без учета российских почвенных особенностей, привела к масштабному увеличению бюрократического аппарата, ослаблению способности системы исполнительной власти к быстрой и точной управляемости и координации ее различных звеньев при решении сложных и комплексных вопросов. «Конкуренция ведомств» в деле управления стала болевой точкой в работе сегодняшнего российского государственного аппарата. Все это, увы, происходило на фоне многочисленных слов российских чиновников самых разных уровней о необходимости «скорейшего и максимального укрепления российской государственности». Подобный пример не является единственным. Сложившееся в этом плане положение дел скорее стало правилом при осуществлении государством в отношении себя программной и законотворческой деятельности, итоги которой часто оказывались весьма безрадостными.

2. Политический режим государства. В соответствии с общепринятым научным определением, политический режим является совокупностью приемов, способов и средств осуществления государственной власти. Иными словами, проблематика политического режима отвечает на вопросы о комплексе взаимоотношений между человеком и государством, а также государством и обществом и его различными элементами и структурными звеньями.

Приходится констатировать, что в постсоветских научных реалиях в России не сложилось цельной отвечающей сегодняшнему дню доктрины политического режима. До сих пор из учебника в учебник кочует деление политических режимов на демократические, авторитарные и тоталитарные, иногда подобная классификация дополняется взятыми из древности режимами тирании и деспотии. Указанный подход не отвечает современности и работает в основном в пропагандистских целях, оправдывая и защищая евроцентристские положения о западной цивилизации как «магистральном пути человечества». Попытаемся заполнить вышеуказанный пробел, сформулировав собственную классификацию политических режимов сегодняшнего дня.

В странах Западной Европы и Северной Америки распространен режим «западной демократии». Его характерными признаками являются: выборность многих государственно-властных звеньев; существующая в государстве система разделения властей; декларирование принципов политического и идеологического многообразия. Плюсы данного режима очевидны. Политическая элита западного государства, формируя и формулируя текущую социальную «повестку дня», предлагает народу альтернативные варианты развития событий, оформленные в программах различных движений и партий, и легитимирует их с помощью выражаемого на выборах народного волеизъявления. Система разделения властей не дает возможности одной элитной группе установить полный и всеобъемлющий контроль над социально-политической жизнью государства и служит серьезной гарантией от узурпации власти.

В то же самое время идеализировать современную «западную демократию» едва ли правильно. Сегодняшние западные СМИ системно и методично используют в своих действиях политические технологии манипуляции общественным сознанием, нередко «превращая» тем самым абсолютную неправду в абсолютную истину¹. Самостоятельность же самих западных СМИ также изрядно преувеличена. Мировая элита, являющаяся владельцем большинства информационных терминалов, задает своим контрагентам исключительно жесткую рамку в тоне и тональности освещения актуальных событий.

Отдельной чертой западной информационной субкультуры является система «запретных тем». В США, к примеру, одной из них стало обсуждение степени достоверности официальной версии трагических событий 11 сентября 2001 года. Фильм известного итальянского тележурналиста и политика Джульетто Кьезы, предоставившего наглядные доказательства ее вымышленности, к показу в США был официально запрещен. Вскоре, после активного внимания кинозрителей Европы к указанному фильму, он был снят с показа и в европейских кинотеатрах.

Сегодняшний реальный Запад – общество глубоко меритократическое. Реальными социально-значимыми процессами в нем управляет довольно небольшая группа людей. Национальные «комьюнити» глубоко и прочно интегрированы в мировую политическую элиту. В эту группу входят крупнейшие мировые финансовые игроки, спецслужбистские и военные лобби, владельцы многомиллионных терминалов массовой информации и иные слаботранспарентные структуры, являющиеся на сегодняшний день «хозяевами положения дел» в мире.

Нынешняя ежедневная реальность свидетельствует о том, что среднестатистический западный человек весьма толерантен к самым различным элитным действиям, в том числе и отличающимся низкой степенью моральной основы. Постмодернистское разрушение культуры, ослабление семейных ценностей, обесмысливание множества исторических символов, еще вчера являвшихся святыми, – все это неуклонно входит в западную политическую практику. Все вышесказанное говорит о существенных минусах сегодняшней западной демократии и неприемлемости ее безоговорочного копирования на территории России.

Народно-монархический политический режим предполагает наличие общей этики и базовых идеологических основ, разделяемых большинством членов общества. Как правило, в подобных политических системах существует ведущая партия или иная политическая струк-

тура, служащая «общенациональным собором» для преодоления разногласий в различных социальных слоях и выработке единой позиции по стратегически важным вопросам. Наиболее яркими представителями народной монархии в современном мире являются КНР и Республика Куба.

Народно-монархические режимы могут довольно легко мобилизовать население на решение общественно-значимых вопросов. Они вынуждены действовать на своей территории на основе принципов социальной справедливости, ибо только в этом случае верхи получают полную легитимацию представляемых ими народных низов.

Риски, связанные с существованием подобного режима, также довольно очевидны: возможная идеологическая стагнация, отрыв высших эшелонов власти от народных масс могут стать для подобных социальных организмов смертельно опасными, о чем убедительно свидетельствовал позднесоветский исторический опыт. То, к чему западная демократия не сильно чувствительна, для народной монархии может оказаться фатальным фактором.

Либеральным политическим режимам (Колумбия, Филиппины и др.) свойственно следование формальным канонам «западной демократии». В то же время масштабное влияние местных олигархических групп, иностранных государств и транснациональных корпораций на внутригосударственный политический процесс во многом сводит к нулю какое-либо реальное участие народных масс в выработке и принятии политических решений. Такой правящий режим легализуется скорее «легитимностью извне» нежели «легитимностью изнутри».

Тоталитарным режимам свойственно наличие в обществе всепроникающей и обязательной идеологии, сращивание партийного и государственного аппарата, культ вождя, масштабные политические репрессии против инакомыслящих. Наиболее ярко тоталитаризм проявился в фашистской Германии в 30–40-х годах. Подобная организация общества является следствием масштабного внутреннего кризиса, требующего исключительного сплочения масс с целью его преодоления. Благодаря указанной причине властвующие круги тоталитарного государства получают массовую общественную поддержку. В то же время в мирный, немобилизационный период общественной жизни тоталитаризм способен приводить и, как правило, приводит к застою и социальной стагнации, что неизбежно порождает серьезный легитимационный кризис.

Иначе обстоит дело с режимом *военных диктатур*, через который прошли многие латиноамериканские страны. Особые черты вышеуказанного режима: верхушечность государственной власти, ее исключительная репрессивность и отсутствие у государственного аппарата всяческих правовых ограничений. Легитимность указанного режима держится на двух факторах: поддержке влиятельными силами извне и мобилизованности собственных силовых структур. Как правило, такие политические режимы ведут к глубокой общественной деградации и свергаются при исчерпании собственного ресурса.

Для *абсолютистского* политического режима (Саудовская Аравия, Оман, многие другие государства арабского Востока) свойственна абсолютная власть главы государства. В то же время на политическую ситуацию этих государств значительное влияние оказывают многочисленные представители правящих династий, а также элитные в имущественном, региональном и конфессиональном отношении группы. Ожесточенная закулисная борьба политических группировок, состоящих из представителей вышеперечисленных социальных прослоек, – типичное явление абсолютистской политической жизни.

В странах тропической и южной Африки весьма распространен режим *партикулярной политической власти*. В условиях функционирования таких государств большую роль играют проживающие на их территории племенные союзы со своими традициями и обычаями. В таких государствах происходит наложение друг на друга государственно-правового и традиционно-племенного начал. Второе из них в весьма значительной степени ограничивает деятельность первого. Это происходит потому, что «нарезка» границ многих сегодняшних государств

Африки проходила хаотично, по воле бывших стран-метрополий и их колонизаторских администраций. Многие части различных племен и племенных союзов оказывались по разные стороны границ, что часто мешало складыванию разноплановых этнических общностей одного государства в единый народ, без чего по определению невозможно полнокровное строительство единого государственно-правового пространства. Исходя из этого, причудливая мозаика «государственно-правового» и «традиционно-племенного» начал является неизбежным атрибутом сегодняшней африканской социально-политической жизни.

Вышеуказанная классификация не является абсолютной и исчерпывающей. Как правило, реальная практическая государственно-правовая жизнь несет в себе сочетание черт, свойственных различным политическим режимам. В то же время приведенная выше их классификация помогает лучше понять специфику отдельно взятой государственности. Так, для сегодняшней России характерно довольно причудливое смешение элементов западно-демократического, либерального и народно-монархического начал в общественной и государственной жизни. От того, какие принципы политического развития будут в дальнейшем избраны в нашей стране в качестве основополагающих, какие из имеющихся черт политического режима станут доминировать, а какие уйдут в прошлое – во многом зависит дальнейший ход российской истории и сама возможность ее жизнедеятельности в долгосрочной перспективе.

3. Характер и степень взаимоотношений и взаимопроникновения государственной власти и структур гражданского общества. Необходимо оговориться, что понятие «гражданское общество» мы используем в предельно широком значении и понимании этого слова, очерчивая им весь комплекс юридически негосударственных общественных структур и отношений. В таком аспекте данное понятие использовалось не всегда. Теоретик просвещения Джон Локк определял гражданское общество как «республику свободных собственников», «цивилизованное общество», состояние «холодной гражданской войны богатых против бедных». В более поздние времена гражданское общество рассматривалось в смысле общества модернизированного, демократического, светского, с развитой структурой рыночной экономики. Одновременно подразумевалось, что только в таких странах можно говорить о феномене «гражданского общества» как таковом. Необходимость нашего сегодняшнего максимально расширенного взгляда на указанный вопрос диктуется актуальностью изучения негосударственного сегмента общественной жизни и его непосредственного влияния на феномен государственности.

Говоря о традициях отечественного *самоуправления* как важнейшем элементе структуры гражданского общества, следует отметить, что в России его понимание во все времена существенным образом отличалось от его западного аналога. На Западе оно рассматривалось в качестве определенного противовеса государственной власти. В России же роль государства во многом была обществообразующей. Государство цементировало общество и собирало его воедино. Исходя из этого, самоуправление в России не боролось с государством как со своим антиподом, а дополняло его, стремясь обеспечить лучшее и более верное осуществление на местах государственно-значимых функций.

При создании комплексной панорамы государственности следует также рассмотреть аспект взаимодействия государственной власти с элементами его социальной структуры: национальными общинами, представителями профессиональных объединений, религиозных конфессий, студенчества, иных групп и слоев населения. Исследование проблемы под данным спектром позволит найти оптимальное соотношение сил в различных сферах жизнедеятельности, позволяющих осуществлять его полноценное воспроизводство.

4. Особенности суверенитета и территориальной структуры государства. Суверенитет – верховенство и независимость государственной власти – является не только необходимым признаком государства, но и основополагающим элементом государственности. Сам

вопрос о ее наличии может ставиться только тогда, когда в государстве есть постоянное и неуклонное воспроизводство суверенитета. Более того, степень суверенности государства может стать качественным показателем его силы и эффективности.

Здесь, однако, следует сделать несколько существенных оговорок. Абсолютный суверенитет в реальной практической жизни подобен идеальному газу. Государственная власть при своей самореализации зависит от целого множества параметров: собственной структуры, природно-климатического фактора, действующих финансово-экономических, внешнеполитических сил и т. д. Политический суверенитет государства всегда ограничен, в то время как суверенитет в юридическом смысле и соответствующем правовом закреплении может быть только абсолютным, ибо он выполняет роль матричного принципа любого государства. В этой коллизии прячется очень много тонкостей. Политический суверенитет, даже без существенного изменения своей юридической базы, может претерпевать до поры до времени весьма серьезные ограничения. Тем не менее, всегда существует их рамка, перейдя за которую государственность теряет свои важнейшие качества.

Не менее интересно стоит вопрос и с принципом народного суверенитета, несущего в себе формулу о народе как единственном источнике государственной власти. Принцип народного суверенитета закреплён во множестве стран и служит надежным способом государственно-властной легитимации как идейно-материальной основы осуществления государственной власти. В то же время, как было видно из вышеприведенного описания политических режимов, легитимация как опора на определенную совокупность материальных и духовных субстанций отнюдь не всегда имеет место в форме народного суверенитета. Для абсолютистского режима свойственна, как правило, религиозная легитимация, для режима военных диктатур – легитимация силами извне и собственными силовыми структурами и т. д. Поэтому любое государство, взявшее народный суверенитет в качестве способа легитимации, должно в своих доктринальных основах наполнять этот принцип особым, конкретным содержанием, указывая при этом, есть ли в нем, помимо собственно народа, иные источники, предоставляющие государственно-властной деятельности характер общепризнанности и уверенности в праве на власть для осуществляющих ее кругов.

Особо следует отметить территориальную структуру государства как матричный принцип воспроизводства государственности. Каждый регион представляет для государственного образования и государственно-организованного общества особую, уникальную ценность в социальном, экономическом, ментально-духовном и культурно-идеологическом измерении. Часто потеря государством даже своей небольшой части территории может иметь для него фатальное значение.

В то же время мы знаем примеры, когда в критические и кризисные для государства дни правящие группы шли на сознательные территориальные потери с целью присвоить государству иную цивилизационную идентичность, сохраняя его в историческом измерении. Яркий пример тому – кемалистская Турция. Мустафа Кемаль Ататюрк, борясь с предыдущей османской эпохой и стремительно пытаясь взять европейские цивилизационные рубежи, строил турецкую нацию по западноевропейскому образцу, отсекая от новой государственности инонациональные образования Ближнего Востока. Впрочем, такие примеры крайне редко увенчивались успехом и, как правило, приводили к неизбежному падению роли в мире «самоуменьшенного государства».

Вышеуказанные уроки необходимо исключительно внимательно освоить российскому обществу, ибо в его отдельных группах национал-уменьшительные и регионально-сепаратистские настроения приобретают все большую актуальность. В рамках сегодняшнего социально-политического положения России потеря даже ее малейшего кусочка земли может обернуться величайшей по масштабам катастрофой и дальнейшим самораспадом. Укреплять отечественную государственность следует прежде всего путем должного обустройства ее тер-

риториальной структуры и беспощадной борьбой с различными видами и формами «уменьшительских» настроений, вплоть до введения уголовной ответственности за подобные публичные призывы.

5. Цивилизационная идентификация и самоидентификация государственно-организованного общества. Система общественных «институциональных матриц». Цивилизационный подход к изучению общества, в основу которого были положены труды Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, дал человечеству исключительно многое. В центре внимания исследователей оказались поведенческие матрицы огромных по численности континентальных и субконтинентальных макросоциальных групп. В них входили программы общественного действия между людьми, отношения «человек-общество», «человек-природа», «человек-техника» и т. д. Крупнейший современный обществовед С. Г. Карамурза, творчески развивший многие положения цивилизационного подхода, ввел в науку термин «институциональная матрица общества». Система институциональных матриц позволяет, при всей условности подобного классифицирования, отнести государственно-организованное общество к определенному цивилизационному типу: восточноевропейскому, западному, азиатско-тихоокеанскому, латиноамериканскому и т. д.

Помимо цивилизационной идентификации подобного рода, однако, не менее важна для функционирования государства его общественная и элитная самоидентификация. Важное значение имеет не только то, к какой цивилизации государство объективно относится, но и то, к какой цивилизацией оно себя субъективно идентифицирует.

Последнее имеет исключительную актуальность для современных российских реалий. Очень часто на протяжении последних трех веков российская элита, пренебрегая собственными самобытными цивилизационными кодами, начинала мыслить себя частью Запада, проводя в стране радикальные вестернизаторские преобразования. Как правило, это заканчивалось весьма печально. Опыт вестернизации последних двух десятилетий также не принес необходимого и нужного результата, что создает сегодня императив для отечественных правящих групп активно заниматься исследованием собственной почвенной базы и опираться на нее в различных государственно-властных действиях.

6. Экономическая и климатогеографическая основа жизнедеятельности. От протекающих в стране экономических процессов зависит жизнь государства в целом, порядок осуществления им внутренних и внешних функций, процесс его элитогенеза и многие другие общество- и государствообразующие элементы.

В каждом государстве существует ряд особенностей не только его социально-политического, но и экономического устройства. Одно дело – сырьевая экономическая модель Саудовской Аравии, другое – молодой и стремительно развивающийся капитализм Малайзии, и третье – американская модель западного современного капитализма как порождения глобализации. Проведя сравнительный анализ их хозяйственной жизнедеятельности, мы увидим заложенные в них коренные отличия, во многом определяющие особенности функционирования соответствующих обществ и государств.

Влияние экономических процессов на жизнь государства оказывается настолько фундаментальным, что требует отдельного детального рассмотрения. Исходя из этого, мы посчитали необходимым посвятить отдельный параграф российской экономике, показав особенности ее формирования и современного функционирования.

Экономическую основу любой страны в сильнейшей степени детерминирует климатогеографический фактор. Он в значительной мере определяет вектор развития государства и концептуальные начала его исторического пути. К примеру, российское государство несколько столетий вынуждено было вести кровопролитные войны за выход к черноморскому и балтийскому побережью с целью завладения торговыми коммуникациями и создания условий для эффективного функционирования военного флота. В более ранний период нашей истории

отсутствие естественных преград для движения орд кочевников с Востока и Юга предопределяло чрезвычайную уязвимость наших границ, обуславливающую значительные государственные затраты на создание адекватного «пояса обороны».

Климатогеографический фактор существенно отразился на историческом развитии России в целом. Около половины ее территории находится в зоне вечной мерзлоты, а средняя годовая температура значительно ниже, чем в подавляющем большинстве европейских стран. Все это имело следствием низкую урожайность в России по сравнению с западным аналогом, вследствие чего себестоимость российской промышленной продукции в среднем значительно превышает западноевропейскую. Географическое положение России также предопределило отечественную специфику больших расстояний между ее населенными пунктами при малой плотности населения. Особенно рельефно эти условия отражены в регионах Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Данный фактор также не мог не отразиться на отечественном ценообразовании и ходе ее хозяйственной жизни в целом².

Помимо вышеназванных двух, существует также третье обстоятельство, осложняющее развитие хозяйственной жизни государства, – отсутствие в стране устойчивой структуры водных путей коммуникации, заставляющее российских хозяйствующих субъектов обходиться сухопутными средствами транспортировки товара, что в конечном счете ведет к его существенному удорожанию. Страны, имеющие возможность использовать развитую систему морских и речных каналов, получают в этом плане серьезные преимущества, так как водные перевозки, по сравнению с сухопутными, показывают в абсолютных цифрах исключительную выгоду.

Влияние фактора низкой прибавочной стоимости в истории России наиболее глубоко и рельефно было описано выдающимся отечественным историком Л. В. Миловым³. Наличие указанного аспекта во многом предопределило широкое и масштабное вмешательство государства в экономику, ярко выраженную протекционистскую политику государства на протяжении веков, меньшие личные и экономические свободы для отдельно взятого индивида, нежели в странах Запада. Диктат экономического и климатогеографического фактора имел в российской истории характер неотменяемого и заданного природой закона.

7. Структура восприятия государственно-организованным обществом народа, государства и государственной власти как целостных социальных феноменов. От степени верности и адекватности понимания вышеуказанного элемента государственности зависит успешность диалога и взаимопонимания общества и власти в целом, без наличия которого невозможно надлежащим образом разрешить ни одного фундаментального вопроса.

Наиболее наглядно различия этого элемента государственности в культуре разных народов видится при сравнении в указанном контексте параметров Западной и Азиатско-тихоокеанской цивилизаций. Говоря очень упрощенно, для западного человека государство представлено преимущественно как рационально-организованная машина, управляющая социальными процессами, а народ – в качестве совокупности индивидов, организованных во множество отвечающих их интересам социальных групп. Для человека Востока же государство имеет скорее сакральный, священный характер, наподобие земного мира, устроенного в соответствии с определенным набором высших, небесных принципов.

Специфика России состоит в том, что в ее социальной структуре находится множество региональных ментальностей, обуславливающих отличия в восприятии вышеперечисленных общественно-значимых субстанций. К примеру, восприятие государственной власти широкими массами Дагестана, населением Санкт-Петербурга и жителями Чукотского автономного округа будет в существенной степени различаться. На вышеуказанное «восприятие» оказывают значительное влияние климатические, экономические, культурные и иные факторы, определяющие специфику проживания региональных общностей.

8. Система социально-политических обычаев и традиций. Указанный элемент обладает поразительной устойчивостью. Благодаря его существованию многим народам уда-

ется сохранить основы своей государственности, даже вопреки крупномасштабным и разрушительным революционным катаклизмам. К примеру, парламентаризм Великобритании пропитан множеством традиций, имеющих корни в эпохе Средневековья. Подобным способом английская политическая элита подчеркивает важность исторической преемственности в британской государственной жизни, сохраняющейся несмотря на смену целого ряда исторических эпох. Удивительными свойствами в этом плане отличается и современный Китай, в котором ментальные черты разных эпох и их отражение в социально-политической жизни оказались гармонично соединенными.

В советской России 30-х годов происходит возрождение некоторых дореволюционных атрибутов государственности, отброшенных до этого бурной стихией революции (восстановление офицерских погонов в армии, изменения в культурной политике страны, постепенный пересмотр отношений между государством и церковью, создание ряда фундаментальных исторических кинокартин и многое другое). Это произошло вследствие понимания высшим политическим руководством необходимости воссоединения связи времен для дальнейшего прочного строительства государственных основ. Похожий комплекс проблем стоит сейчас и перед современной Россией. Обеспечение ее подлинного и долгосрочного роста возможно только с условием восстановления исторической целостности, цельности «цепи времен». Дореволюционное, советское и постсоветское историческое пространство должно быть воссоединено, наполнившись при этом новым духовным и идейно-смысловым контентом. «Борьба эпох» и демонтаж исторических символов, ставшие мейнстримом в эпоху перестройки и бывшие таковыми все 90-е годы, необходимо немедленно остановить.

9. Идейно-смысловая матрица общества и особенности его информационного пространства – еще одна важнейшая составляющая государственности. Идейно-смысловой контент лежит в основе любого государственно-организованного общества, определяя траекторию его движения и в неявном виде определяя все протекающие в нем социально-значимые процессы.

Отличие российской государственности и государств Запада в этом отношении уникально. Западная государственность после цепи произошедших буржуазных революций XVII–XIX веков стала жить бытом нации. Это в свою очередь означало, что государственно-организованная общность должна иметь собственное территориальное пространство, экономический уклад, язык и систему «священных камней» – исторических символов и традиций, объединяющих общество в единую духовную целостность. Западноевропейская нация эпохи модерна – это здоровый социальный организм, живущий «для себя» и стремящийся к всестороннему развитию во имя собственного благополучия и самоприумножения.

Отличие от стран Запада, Россия и в дореволюционном, и в советском измерении всегда жила бытом Империи. Империя российско-евразийского типа является целостностью, объединяющей огромное количество разных по ментальности групп общими смыслами и символами, живущей во имя торжества Высшей Вселенской Идеи. Такая идея в дореволюционные времена имела форму православия, в советские времена – форму коммунистического красного проекта.

Целостность европейской нации создавалась в «тигельных котлах» буржуазных революций, в которых исключительно кровавыми средствами выжигалась любая иная самоидентификация отдельно взятого человека (этническая, племенная, региональная и субрегиональная), вступавшая с ней в противоречия. Слова германского канцлера Отто фон Бисмарка о необходимости строить немецкую нацию «железом и кровью» не были простым риторическим приемом, они отражали реальную политическую практику того времени.

Россия же ни в дореволюционном, ни в советском измерении никогда не жила «бытом нации» и не создавала на своей территории «тигельных котлов». На протяжении многих веков

она сохраняла уникальное свойство «мира миров», где бок о бок друг с другом проживали и проживают по сей день более двухсот национальностей.

В то же время само русское ядро нашего Отечества также представляется глубоко неоднородным. На сегодняшний день русский народ является гиперэтнотомом, насчитывающим в своем составе более 80–90 субэтнических групп с характерными социокультурными особенностями, менталитетом, быта и исторических корнями.

Попытка строительства на территории Российской Федерации нации по западноевропейскому образцу, предпринятая позднесоветской и продолженная постсоветской элитой, успехом не увенчалась. В условиях общего идеологического вакуума, социополитического и социокультурного регресса народные низы во многом продолжали ориентироваться на старые советские социокультурные коды, а также стремительно наполняли свою жизнь собственно региональной самоидентификацией. Последняя тенденция при ее чрезвычайном усилении за последние двадцать лет стала таить в себе угрозу конечного замыкания жителей отдельно взятых субъектов Российской Федерации на самих себя, что неизбежно ведет к распаду общероссийской духовной целостности. На указанной тенденции активно играют региональные сепаратисты, усиливая данный процесс и пытаясь подвести к нему историческую и политико-философскую основу.

Провал проекта «вестернизации» России отчетливо показал, что обретение контуров западноевропейской нации не является для нее стратегически верным. Эта ситуация особенно обострилась тем, что и на самом Западе проект модерн с предусматриваемым им нациестроительством в качестве обязательного условия жизнеустройства после триумфального четырехвекового господства стремительно уходит в прошлое. Постмодерн, преходящий на смену модерну, по сути, отрицает всяческую подлинность, а потому негативно относится и к природе исторического смысла и исторического символа как такового. Торжество постмодерна на Западе неизбежно будет вести к нисхождению человека и человечества вспять по пути Истории, ибо никакой гуманизм и прогресс не сможет существовать вне базовой духовно-символической основы, фундаментально отрицаемой системой постмодернистских координат.

В связи с этим перед Россией как исторической субстанцией стоит в идейно-смысловом плане сложнейшая и нетривиальная задача – преодолеть заданные модерном ограничения и выйти на сверхмодернистский путь, ведущий к возвышению человека и человечества. Решение для нашего государства указанной задачи – вопрос самосохранения и дальнейшего развития.

Проблематика идейно-смыслового контента неизбежно и теснейшим образом связана с проблемой функционирования государственного информационного пространства.

Информационное пространство служит для государственно-организованного общества своего рода оболочкой, через которую ежедневно и ежечасно проходит огромное количество потоков и волн, сознательно либо бессознательно инициируемых бесчисленным множеством субъектов самого разного уровня и качества. Вопрос о защите государственно-организованным обществом своих исторических символов и смыслообразующих конструкций, равно как и о способах и формах ее осуществления, стоит предельно и исключительно остро.

Каждое государство должно определять необходимый и достаточный коэффициент воздействия на информационную сферу. Чрезмерная идеологическая опека собственного информпространства советскими правящими группами стало притчей во языцех и сослужило всему советскому проекту недобрую службу. Первое же десятилетие постсоветской эпохи, наоборот, вошло в историю под знаменем принципа абсолютной и неограниченной информационной открытости. Формулы «открытого общества», «информации без границ» не сходили с телеэкранов и журнально-газетных полос. Все это происходило параллельно со стремительной монетизацией всех сфер общественной жизни и торжества в российском социальном пространстве норм криминальной этики. Результаты этого были воистину катастрофичными как

для российской культуры в целом, так и для ее общественных системообразующих конструкций. Уроки предыдущих эпох должны быть российским обществом внимательно освоены.

Подытоживая все вышесказанное, еще раз повторимся, что проблематика государственности и ее структурных элементов является исключительно сложной. Настоящее теоретическое изложение всех ее аспектов ни в коей мере не является завершенным. Российскому научно-интеллектуальному сообществу еще предстоит огромная работа по изучению каждого вышеназванного структурного элемента и его базовых основополагающих характеристик. Целью данного исследования является лишь построение системы изучения указанной проблематики, выработка соответствующего категориального аппарата и указание на наиболее острые вопросы функционирования описываемого нами социально-политического, исторического и социокультурного феномена.

Синтез получаемого знания позволит в дальнейшем выйти на существенно новый уровень понимания российской государственности, а его практическое использование станет чрезвычайно полезным при решении огромного количества социально-значимых фундаментальных и прикладных вопросов.

Главным индикатором качества для государственности является критерий его *устойчивости*. По нему можно будет находить ответы на вопросы о надежности государственной матрицы и ее способности реагировать на исторические вызовы. Конечно, государственность не является чем-то раз и навсегда данным. Это динамический феномен, который не стоит на месте и, подобно живому организму, находится в постоянном развитии. Тем не менее, главное для государственности – не потерять своего качества, а для государственной власти – четко осознавать порог его возможных и необходимых изменений.

1.2. Российская государственность: исторический аспект

В структуру любой государственности входит система исторических символов и идей, объединяющих население государства в единое целое, скрепляющее государственно-организованный народ общей исторической памятью. Историю любого общества в принципе можно подразделить на историю общественно-политических процессов и историю системы символов.

Для изучения феномена российской государственности важны оба вышеуказанных компонента исторического процесса. Нельзя сказать, что они существуют изолированно друг от друга. Символы являются своеобразным структурообразующим материалом отечественной истории, они подобны кристаллам и маякам, служащим народу ориентиром в стремительном меняющемся временном пространстве. Исходя из этого, необходимо рассматривать совокупность исторических символов и процессов в их фундаментальной неразрывности и тесной взаимосвязи между собой.

Естественно, размеры настоящей книги не позволят проводить в ней анализ всех без исключения социально-политических процессов, имевших место в российской истории. В рамках данного исследования для нас представляется важным отследить общую эволюцию идейно-смысловых основ и системообразующих конструкций российской государственности на ее различных этапах, с целью понять, что именно придавало России форму ее магистрального движения. Определить контуры будущего России возможно, только опираясь на вышеуказанное знание, что придает затронутой нами тематике качество особой актуальности.

Итак, общий анализ исторического пути развития российской государственности позволяет прийти к следующим выводам.

Огромную смыслообразующую роль на первых этапах развития русской государственности сыграла православная церковь. В эпоху Киевской Руси, а также последующего за ней периода феодальной раздробленности она выступала в качестве хранительницы «живого огня» русского мира, сохраняющего преемственность веков и указывающего пути развития будущего. В непростой удельный период российской истории, междоусобиц и бесконечного дробления русских земель именно система стремительно возникающих на бескрайнем русском про-

странстве монастырей служила очагами духовности и самоотверженного служения Богу, стягивая воедино когда-то могучий и сильный древнерусский организм.

В то же самое время политический и социальный идейно-смысловой контент Древней Руси не был всецело и стопроцентно религиозным. Его церковное содержание в значительной степени дополняли светские государственно-патриотические трактаты наиболее образованных князей и митрополитов (Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Иллариона и Климента Смолятича и других), которые ложились в основу древнерусской политической идеологии.

В более позднюю, московскую эпоху исключительно важное историческое значение сыграло учение монаха Филофея «Москва – Третий Рим». Именно оно впервые фундаментально обосновало русскую цивилизационную самобытность и ее непреходящее историческое предназначение.

К церковному самосознанию народа и к произведениям мастеров древнерусской политической мысли следует прибавить стихийно формировавшуюся веками народную память – систему коллективных воспоминаний множества поколений о великих и малых событиях прошлого. Ярким примером этого служит масштабнейшая по своему времени Куликовская битва, состоявшаяся в 1380 году, память о которой сыграла весьма значительную роль в плане формирования вокруг Москвы нового исторического очага русской государственности. Более того, победа в ней во многом окончательно оформила и завершила результат исторического процесса, шедшего несколько предыдущих столетий и выразившегося в возникновении единой великорусской народности.

Изначально древнерусское государство нельзя было назвать моноэтническим. Многие восточнославянские племена, проживавшие на определенных территориях, смешиваясь друг с другом, формировали региональные субэтноты, отличающиеся друг от друга многими ментально-культурными особенностями. Помимо собственно восточнославянского социокультурного ядра, Древнюю Русь также населяли многие инациональные группы. На восточной границе ее проживали тюркоязычные «черные клобуки», на севере – финно-угорские племена, на западе – литовские племенные союзы. Эти народности, сохраняя ментальные особенности, язык и культуру, проявляли лояльность древнерусскому государству, платили подати, несли военную службу. Таким образом, социокультурное устройство Руси изначально отличалось сложностью и многообразием. Этот фактор в значительной степени предопределил ее дальнейшее вековое развитие.

В середине XVI века, к моменту покорения войском Ивана Грозного Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Россия становится государством не только многонациональным, но и многоконфессиональным, что в условиях господствовавшего тогда Средневековья являлось серьезным историко-социальным феноменом. В указанный период времени в России имело место начало векового братского общежития между православием и традиционным исламом, а впоследствии и с иными конфессиями, господствовавшими в ее отдельных регионах. История идейно-политического синтеза православия с традиционными пророссийскими иноверческими мирами изучена слабо, и вопрос этот еще ждет своего исследователя. Тем не менее, на подсознательном уровне указанная система духовных и идейно-символических конструкций дала российской историко-культурной личности совершенно особенные очертания и свойства.

Смутное время в России, вызванное династическим кризисом, многочисленными экономическими бедствиями и масштабной военной интервенцией, поставило государство на край гибели. Эти годы показали, насколько в обществе, с трудом изживающем из себя феодально-удельные пережитки, было сильно значение крепкой единоличной власти. Межсословная рознь, существовавшая в то время, представляла едва ли не большую опасность, чем нападение внешнего врага. Преодолеть смуту в обществе оказалось возможным лишь в результате создания всесословного земского ополчения и консолидированного избрания на престол

нового монарха и новой династии. Последствия Смуты преодолевались затем многими десятилетиями.

В середине XVII века в России происходит церковный раскол. Он наносит русскому обществу большую травму. По некоторым данным, раскольниками стала пятая часть тогдашнего населения. Его негативным следствием оказалось значительное ослабление роли церкви в российском обществе в качестве общенациональной цементирующей силы. Петровская секуляризация церкви, осуществленная на полвека позже, во многом лишила ее также идеологической и социально-политической независимости, что резко сузило ее возможности осуществлять необходимое обновление идейно-смысловой базы жизнедеятельности российского общества в соответствии с требованиями времени.

Петровские реформы, осуществленные в начале XVIII века, резко усилили возможности российского государства, но, в то же самое время, привели к бескомпромиссному слому господствовавшей ранее многовековой старо-московской традиционности. Петровская «модернизация», однако, в корне отличалась от одновременных с нею европейских процессов становления буржуазных отношений, шедших рука об руку с протестантской Реформацией. Одним из таких отличий стало то, что европейский «правовой барьер», ставший альфой и омегой всей западной общественной жизнедеятельности, Россией взят не был. Иными словами, право в России не приобрело характера всеобщего и верховного регулятора социальной жизни, по-прежнему оставаясь на вторых, «дополнительных» ролях, в то время как старая допетровская система обычаев и традиций была, как мы уже сказали, безжалостно уничтожена. Всеобщим доминирующим регулятором жизни в послепетровское время стала культура – трудно формализуемая система образцов поведения, взятая из реальной жизни, а также из произведений мастеров творчества – устного народного жанра, живописи, литературы и т. д. Этот удивительный феномен русской жизни до сих пор слабо изучен, между тем как он до сих пор в неявном виде регулирует функционирование общероссийской повседневности.

В течение всего XVIII века стремительно росли роль и статус российского дворянства. Из сословия, осуществляющего служилые функции, оно превратилось в полноценную элитную прослойку, властные прерогативы которой твердо гарантировались существовавшим тогда самодержавием. В то же самое время рост социального статуса дворян происходил одновременно со снижением градуса их социальной ответственности. Суровая система обязанностей, которыми дворянство наделил Петр, неуклонно уменьшалась его преемниками, все более превращающими данную группу людей из сословия «для службы» в сословие «для себя». Кризис элиты стремительно нарастал, и уже к началу XIX века эта прослойка не стремилась ни к каким серьезным общественным переменам, заботясь в основном о собственном социальном благополучии. Множество ярких исключений (декабристы, мастера культуры «золотого века», многочисленные яркие публицисты) лишь подтверждало указанное правило.

Нарастающий элитный кризис стал дополняться во второй половине XIX века кризисом идейно-смысловым. Блестящие победы России на Балканах в эпоху русско-турецкой войны 1877–1878 годов, едва не приведшие к исполнению русской вековой мечты – поднятия Креста над Святой Софией и взятию Россией контроля над христианскими святынями Палестины, были перечеркнуты крупнейшими европейскими военными державами того времени. Созвав Берлинский Конгресс в 1878 году, они фактически свели к нулю какое-либо серьезное участие России в разрешении балканских дел и, тем более, перспективы реализации заявленных глубинных целей. Масштабное разочарование той эпохи стало приводить к отходу значительного сегмента российского общественного актива от православной идеологии. Основная его часть стала находить поддержку в марксизме – передовом революционном учении того времени. Успеху развития марксизма в России также способствовали происходящие в стране социально-экономические процессы, в ходе которых в обществе росло отторжение европейского капиталистического духа, и поиск идейных конструкций построения «царства божия на

земле», изобильной и социально-справедливой общины будущего, приобрел исключительную актуальность.

Многие годы в российском интеллектуальном патриотическом сообществе ведется спор о соотношении идеологических и социокультурных феноменов классического марксизма и русского общинного коммунизма. Вопрос этот сложен, исключительно интересен, и ответ на него способен объяснить многие вещи в формировавшихся в то время основах будущей советской идеократической системы. С одной стороны, через марксизм как идейно-смысловое учение прошел практически весь общественный актив, вышедший в начале XX века на авансцену действия. Победившая впоследствии партия большевиков во главе с В. И. Лениным сделала марксизм своей официальной идеологией, а марксистский язык – в качестве своего господствующего дискурса. В то же время по мере обострения в России революционного процесса Ленин в своей практической деятельности, исходя из текущей жизненной необходимости, все сильнее отходил от многих основных постулатов марксизма. В частности, им теоретически и практически доказывалась возможность проведения социалистической революции в отдельно взятой и по преимуществу крестьянской стране, отвергался выбор западного пути развития в качестве магистрального, осуществлялась фундаментальная опора в революционной деятельности не только на рабочих, но и на крестьянство. Этот фактор послужил делу раскола социал-демократической партии на большевиков и меньшевиков. Меньшевики основывались на классическом марксизме и евроцентризме, большевики руководствовались требованиями почвы и отечественной реальности.

Впоследствии указанный доктринально практический спор произошел уже в победившей большевистской партии. Главным его предметом были расхождения во взглядах между большевиками-космополитами, выступавшими за осуществление мировой революции любой ценой, и большевиками-почвенниками, стремящимися в конкретных условиях того времени к построению социализма исключительно на российском пространстве. К счастью для исторической России, вторая позиция в политической борьбе одержала верх.

Красный коммунистический идеал социальной справедливости, построения братского и изобильного общества, сопровождающийся всесторонним развитием Человека и Человечества, выступил в качестве огромной исторической силы. Под красным знаменем империя вновь была собрана, после чего героические усилия народа способствовали масштабному преобразованию всех сторон общественной жизни. Высшим триумфом Красной Идеи стала победа СССР над Германией в Великой Отечественной войне, спасшая человечество от коричневой чумы.

В то же время к началу 60-х годов стали прослеживаться и слабые стороны коммунистического проекта, которые требовали к себе особого внимания. Относительно благополучная жизнь советского человека, живущего в отличие от предыдущих эпох уже преимущественно в городских условиях, требовала от руководства страны серьезного обновления раннесоветских идеологических кодов, приведения их в норму в соответствие с требованиями времени. Однако этой работы не было сделано. Более того, хрущевское руководство, осуществляя огульную десталинизацию, стало возрождать атеистические установки времен гражданской войны (за 11 лет правления Хрущева было разрушено в 2,5 раза больше храмов, чем за предыдущие 35 лет советской власти), и подменять коммунистические идеальные духовно-символические конструкции лозунгами потребительского общества, к тому же не реализуемыми на практике (догнать США к 1980-му году по производству мяса и молока и др.). Результат этой деятельности сказался в еще большем подрыве идейно-смысловых основ, заложившем под советский социум мину замедленного действия и взорвавшуюся во времена «перестройки».

В указанный период времени противоречия между классическим марксизмом и стихийно складывавшимся общинным коммунизмом русско-советского образца, заложенные еще в революционную эпоху, стали все более обостряться. Классический марксизм, заразивший

многомиллионные массы людей мощнейшим всемирно-историческим потенциалом, основанном на гуманизме и оптимистическом образе будущего, создавался на Западе и при анализе специфики западного общества. Русская революция имела глубинно-почвенный характер и осуществлялась хоть и под знаменами Маркса, но во многом не по Марксу. Первые же три послереволюционных десятилетия советская Россия прожила, по выражению Д. И. Менделеева, «бытом военного времени». Ее руководство должно было осуществлять государственное строительство в исключительно трудных условиях, принимая многочисленные сложнейшие решения в очень узком коридоре возможностей.

К сожалению, знание об этом, равно как и о многих реальных процессах становления советского социума, не было должным образом собрано и формализовано. Это обстоятельство в будущем послужило фактором, крайне затрудняющим создание для позднесоветского общества реалистичной идеологической основы, базирующейся на подлинном знании прошедшего исторического пути. В 60-е годы, когда жизнь советского человека вошла в стабильную колею, проблема выбора стратегии общественного развития встала с новой силой. Увы, классический марксистский истмат уже не мог дать готовые ответы руководителям и обслуживающему их партийному идеологическому аппарату на многие вызовы современности. Обновлять же духовно-идеологическое знание советского общества никто не стал, в результате чего в СССР начала конструироваться и впоследствии преподаваться в вузах система упрощенных марксистских тезисов, помноженная на злобу дня и метко прозванная «вульгарным истматом». Потенциала «вульгарного истмата», как показала история, с трудом хватило лишь на два десятка лет. Первая половина брежневского правления прошла во временном режиме «стабильного развития». Экономика страны показывала убедительные темпы роста, что прямо и недвусмысленно отражалось в различных отраслях промышленности. Тем не менее, в этот период все отчетливее проявлялись проблемы «нематериального сектора», обеспечивающего морально-политическое и духовно-культурное единство советского народа.

Помимо вышеперечисленного, следует отметить и иные слабые места позднесоветской действительности. Анализируя указанный период истории, С. Г. Кара-Мурза в числе таковых выделяет возрождение сословности в позднесоветском обществе и наличие у многих советских людей «голода на образы»⁴. Действительно, для партийной номенклатуры того времени было свойственно приобретение признаков сословности. Наличие власти при весьма слабых механизмах ответственности делали эту социальную группу стоящей над обществом и в определенной мере противостоящей ему, что чем-то отдаленно напоминало положение русского дворянства в XIX веке. Второй упомянутый здесь компонент оказался актуализирован вследствие стремительной урбанизации населения страны, произошедшей в течение жизни одного поколения. В государстве, где шел стремительный рост городов, не успевала сложиться городская культура общежития. Указанный фактор порождал стрессовые ситуации, механизмов компенсации которых создано не было. Если Запад к тому времени, к примеру, отлично освоил «индустрию потребления», в том числе и потребления образов, в виде сети магазинов, торговых центров, развлекательных комплексов, Советский Союз к новому вызову времени оказался не подготовлен. Канализация недовольства не могла не приводить к значительному росту числа противников советского строя.

В то же самое время в позднесоветской элите появляются организованные группы, нацеленные на последующий демонтаж советского строя. Исторические исследования С. Е. Кургияна, А. В. Островского, А. П. Шевякина⁵ и др. говорят о сложившемся еще в 70-е годы вокруг тогдашнего председателя КГБ Ю. В. Андропова «спецслужбистского бэкграунда», сыгравшего решающую роль в дальнейшем «перестроечном» процессе. Указанные группы рассматривали возможность проведения будущей перестройки как способа избавления России от «бремени национальных окраин» и будущую возможность русского ядра «войти в Европу» и стать частью западной цивилизации.

Воздействие элитных спецслужбистских групп на политическую элиту страны привело к тому, что к середине 80-х годов ее мышление характеризовалось в основном двумя тенденциями: 1) либерально-советской, предусматривающей реформирование СССР по образцу стран Запада и ведущей к постепенному слиянию социалистической и капиталистической систем, и 2) национал-модернистской, представители которой считали необходимым ликвидацию СССР и создание на ее территории относительно небольшого российского государства с последующим «введением» его в европейские структуры⁶.

Ни та, ни другая группы не учитывали цивилизационной, экономической и культурной самобытности нашего государства, ведущей к необходимости создания новых концептуально-идеологических основ будущего нашей страны. В условиях второй половины 80-х годов существенное творческое обновление и переосмысление многих постулатов коммунистической доктрины оказывалось делом уже предельно необходимым и не требующим никаких отлагательств. Увы, вместо решения данной задачи правящие круги взяли курс на стремительную вестернизацию страны. В то же самое время элитному бэкграунду, состоящему из двух вышеперечисленных групп, нужен был актив определенного качества, подталкивающий «снизу» основы жизнедеятельности СССР к стремительному слому для дальнейшей реализации на территории российского государства вышеобозначенных социальных проектов. Этим активом и явились вчерашние либералы-диссиденты и националистические активисты в каждой из союзных республик.

Трагедия развала СССР и последующие драматические события 90-х годов во многом оказались плодом работы указанных выше групп. Более того, запущенный ими социальный процесс стал жить собственной жизнью, порождая стремительную криминализацию общества и его последовательный самораспад.

Приход к власти Президента РФ В. В. Путина в 2000 году в значительной степени снизил ход идущих регрессивных тенденций. В то же время системный социально-экономический и социокультурный регресс полностью переломлен не был, а политика вестернизации России была продолжена в качестве единственного основополагающего принципа.

Что же касается реальности общественной жизни последних двух десятилетий, то декларируемым сверху классическим западным либерально-демократическим ценностям и принципам в стремительно криминализирующемся российском пространстве не соответствовала практика поведения ни одного социального слоя, а потому говорить всерьез о «европейском выборе единой России» становилось все труднее. Сложность этого увеличивалась еще больше в связи с тем, что Запад сам неоднократно стал давать понять, что Россию в ее нынешних границах он в свой состав не примет. Таким образом, в существующем коридоре возможностей остались лишь две осязаемых перспективы: либо управляемый самораспад России с возможным (но не обязательным) включением в европейский мир ее отдельных частей, либо сохранение ее территориальной целостности и продолжение жизни России как единой социокультурной личности.

Эту трагическую по своей сути дилемму окончательно выявили украинские события 2014 года. Сейчас уже для многих не секрет, что украинская многоходовая операция использовалась западными элитными группами в качестве блицкрига как способ давления на Россию с перспективой «перенесения» майдана в Москву и с целью дальнейшего управляемого распада российского государства. Возвращение в состав России Крыма и возникновение очага антифашистского сопротивления на Донбассе этот блицкриг сорвали, однако опасность, вытекающая из сегодняшнего идеологического вакуума, по-прежнему велика и несет в себе целую систему внешних и внутренних угроз.

Сложившаяся сегодня ситуация со всей неизбежностью и очевидностью говорит о том, что России в срочном порядке необходимо заново обретать собственные идейно-смысловые основы, внимательно изучать уроки прошлого и делать из них соответствующие выводы. Их

новое обретение возможно лишь на сверхмодернистском синтезе всех исторических эпох и, прежде всего, на возрождении ключевых дореволюционно-православных и красно-советских социокультурных кодов. Чем скорее указанная работа начнется, тем больше историческая Россия имеет шансов на успех.

1.3. Российская государственность: философская и идейно-смысловая матрица будущего

Изложенные выше положения требуют от нас напрямую приступить к исследованию проблематики, озвученной в заглавии настоящего параграфа. Глобальные вызовы кризиса, перед которыми сейчас стоит Россия, заставляют ее активнее всматриваться в себя с целью обретения собственных идейно-смысловых основ жизнедеятельности. Проблема смыслов во все века являлась в нашем обществе системообразующей, ибо в силу специфики российского исторического пути она с неизбежностью и особым образом влияет на все остальные стороны функционирования отечественного макросоциального пространства.

Испокон веков Россия являлась идеократическим государством, втягивавшим в свою орбиту множество народов, ментальностей и субкультур. Как уже было сказано выше, потеря Россией идеологического стержня в 80–90-е годы, попытка ее вестернизации и перевода на западные цивилизационные рельсы, сопровождающаяся стремительной криминализацией общества, привела к катастрофическим результатам. В то же время возможности существующей ныне системы имеют весьма непрочные основания и крайне ограниченный ресурс действия. В связи с этим перед нами сегодня встает исключительно острая система идейно-смысловых и идейно-философских вызовов, от ответа на которые зависит жизнь страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Заявленная проблема, однако, имеет не только сиюминутно-общероссийский, но и всемирно-исторический контекст. Эпоха модерна, ставившая во главу угла гуманизм, научно-технический и социотехнический прогресс, идеалы «западной» демократии, рыночную экономику, нациестроительство и секуляризацию общественной жизни, главенствующая в течение последних четырех веков в общепланетарном масштабе, неизбежно уходит в прошлое. На смену модерну приходит постмодерн с его отрицанием подлинности как таковой, а следовательно, и вселенской значимости любых исторических символов и идейно-смысловых конструкций. Подобный подход неизбежно ведет к дегуманизации общественной жизни, расчеловечиванию человека и возрождению во всемирном масштабе энергоинформационных миров, имеющих по сути своей откровенно фашистский и античеловеческий характер.

Параллельно с постмодерном, захватывающим страны Запада, в странах Востока идет наступление контрмодерна. Контрмодерн, наглядно проявляющий себя в обществах с победившим радикальным исламизмом, демонстрирует полное отрицание ценности развития как такового. Контрмодерн пропагандирует новое Средневековье или Неосредневековье, в котором огромные массы людей неизбежно будут загнаны в очаги мирового гетто, вне каких-либо исторических перспектив.

Постмодерн и контрмодерн работают в разных частях планеты наподобие братьев-близнецов, расширяя и дополняя друг друга. Если постмодерн занят мировым центром, ядром мира, то контрмодерн – его периферией.

Страны Юго-Восточной Азии и прежде всего Китай и Индия, стремительно развиваясь, проходят стадии догоняющего модерна, используя для своего постоянного роста все имеющиеся в их распоряжении ресурсы. Однако догоняющий модерн не сможет быть использован в качестве всемирного общепланетарного проекта, ибо, во-первых, модерн однажды уже потерял свой всемирный характер, а во-вторых, китайский и индийский пути развития предлагаются как пути развития не «для планеты», а «для себя».

В этих условиях жизненно важной задачей для российского цивилизационного пространства предстоит преодоление модернистских ограничений и обретение парадигмы сверхмо-

дерна – системы духовных конструкций, способных «собрать воедино» российское цивилизационное поле и явить миру новую, всемирную и вселенскую, историческую инициативу.

Разработкой подобного идейно-смыслового контента в течение последних двух десятилетий занимался крупнейший отечественный общественвед и политолог С. Е. Кургинян, организовавший впоследствии на основе указанных принципов общественно-политическое движение «Суть Времени». Ниже мы постараемся собрать вместе, оформить и достроить ряд созданных им идейно-смысловых месседжей, на основе которых в перспективе должна сложиться стройная система духовных координат, сплачивающая воедино многонациональную и многоконфессиональную российскую цивилизацию и открывающая перед ней огромные горизонты целостного и всестороннего развития.

Сверхмодерн, красная метафизика и вопрос о советском наследстве. В перечисленных нами словах кроется мощнейший идеологический месседж, посланный российскому обществу. Проект модерн, как уже было сказано выше, уходит в прошлое. На всемирно-исторической арене долгое время не было видно основ нового проекта, который бы принял у модерна эстафету и в то же время базировался на светлых и возвышающих человека началах. С. Е. Кургинян первым заявил об идеологии сверхмодерна, утвердив, что именно Россия может явить миру новую историко-стратегическую альтернативу. В то же самое время о сути и сущности сверхмодерна было сказано немного, в то время как именно это и есть новая философская суть созданного им движения и, может быть, даже самое ценное, что создала российская социально-политическая мысль за последние два десятилетия. Опираясь на уже существующие построения, попробуем развить их, задав тем самым импульс государственно-патриотической мысли на дальнейшую актуализацию и всестороннее расширение вышеуказанного идеологического знания.

Центром сверхмодерна является человек. Всестороннее, качественное, интеллектуальное, душевное, духовное развитие человека. Если модерн ставил своей первоначальной задачей общественный и научно-технический прогресс, обходя стороной человеческую природу, то обязанность сверхмодерна – «раскрепостить и пробудить» высший потенциал человека, до конца реализовать его способности и приблизить его к той идеальной сущности, которая первоначально задавалась для него Высшими силами. Каждый человек, каждый народ имеет свою собственную миссию, состоящую в борьбе со Вселенским Злом и максимально возможной для этого всесторонней творческой мобилизацией.

Мир сверхмодерна – мир целостностей. Природа, космос, общество, страна, человечество – все одухотворено, теснейшим образом связано между собой и несет в себе высшие смыслы. Сверхмодернистская общинность состоит во взаимодополняемости людей друг другом, образовании вечно живой цепочки поколений, идущих к изгнанию зла, к единению с Вечными Высшими Силами. Миссия человека – служить добру. Третьего не дано: либо органическое слияние с духовным миром, не поддающимся измерению в классическом для этого мира трехмерном пространстве, либо Падение и создание условий для торжества Смерти.

Жизнь на земле – уникальное чудо. По расчету современных астрономов, что-либо подобное земной жизни в иной части вселенной возможно лишь при преодолении расстояния в несколько сотен световых лет, и то не факт, что это «что-то подобное» в принципе имеется. Данная иллюстрация наглядно демонстрирует вселенский смысл человеческой жизни, ее чрезвычайную значимость и высочайшее предназначение каждого человека в отдельности.

Ключевым кодом сверхмодернистской действительности станет изобильное и социально справедливое общество. Такое общество будет изначальной альтернативой сегодняшней потребительской гонки, ибо во главу угла в нем будет поставлено не количество, а качество, обеспечение человека всем необходимым для внутренней гармонии, счастья, служения высшим вселенским законам и, что особенно важно, для всестороннего человеческого роста. Принцип сверхмодернистской общины – «все мечтают о счастье для всех» – должен быть

поднят на знамя важнейшего нравственного ориентира и базового идеологического принципа формирования нового человеческого сообщества.

Важнейшая проблематика сверхмодерна – формирование соответствующих элитных, орденовских структур, способных сохранять высшее знание и в каждую конкретную эпоху доносить его до широких масс, осуществлять его конкретное препарирование о текущие общественные реалии. Формирование организационных структур – важнейшее условие для успеха реализации описываемой нами системы идеологических констант.

Важнейший принцип сверхмодерна состоит в необходимости синтеза этики, эстетики и гносеологии, то есть Истины, Красоты и Добра. Их разделение внутри модернистского Запада во многом создавало опасности для соскальзывания человека в низовые духовные плоскости. Человек – целостное существо, массивные потоки его энергетики жаждут жизненного синтеза. Расщепление вышеуказанных плоскостей приводит к обессиливанию человека, его отрыву от высших метафизических сущностей и, как следствие, к слабости, оторванности от мира смыслов, обесмысливанию жизни в целом. Необходимость вышеуказанного синтеза также диктуется ситуацией, сложившейся сегодня в сфере гуманитарной науки и гуманитарного образования. Современный язык теряет органику, сегодняшняя гуманитарная наука и порождаемая ею система преподаваемых учебных дисциплин, попадая в тиски различного рода специализаций, все сильнее отрываются от действительности, от целей и потребностей реальной практической жизни. Сегодняшний день диктует императив междисциплинарности исследования, объяснения, преподавания, прогнозирования, любой иной гуманитарной деятельности. Введение указанного принципа в жизнь потребует глубокого знания и чувствования каждой научно-учебной сферы в отдельности, что вынуждает сегодня социальный актив в России «учиться, учиться и учиться». Разработка новой картины мира в каждой области человеческой жизни на базе сверхмодернистских постулатов – огромная задача, требующая колоссальных интеллектуальных сил.

Сверхмодерн вызовет необходимость и иного взгляда на науку, которая должна стать высшей производительной и производственной системой инструментов, создающей Знание и ведущей человечество к высшим целям и ценностям. Наука, таким образом, преодолевая ограничения дисциплинарного порядка, становится на мощный философский и метафизический фундамент, неизбежно соединяя человечество и каждого отдельно взятого человека с Вечностью.

В рамках сверхмодернистской константы не только каждый человек, но и каждый народ, каждая нация должны нащупать собственную историческую, вселенскую миссию. В этом состоит особая роль когнитариата – интеллигенции, создающей знание и приобретающей сознание класса.

Стержнем сверхмодернистской картины мира является учение о красной метафизике. Красная метафизика – целостность мира, в соответствии с которой огонь жизни, возникший в предысторические времена, должен неуклонно поддерживаться и активно нестись во все просторы вселенной. Иными словами, существование Красной Метафизики предполагает объявление Священной Войны всей системе Мирового Зла, вплоть до ее полного и тотального искоренения.

В соответствии с высшим онтологическим наполнением любая Вселенская Метафизика может быть подразделена на черную, белую и красную. В рамках черной метафизики Зло само по себе является высшим демиургом, а в рамках белой оно строго подконтрольно демиургу светлomu. В парадигме же Красной Метафизики существует Остров Добра в Океане Зла, который постоянно атакуется и должен быть защищаем, при ежеминутной предельной мобилизации защищающих его сил. Развивая вышеуказанное положение, мы полагаем, что Истинная Метафизика является Красно-Белой, с изрядным преобладанием Красной составляющей. Зло по самой своей природе обречено на самоуничтожение, самораспад и конечную смерть.

Именно в результате фатальных противоречий Небытия и его невозможности существовать далее в подобном качестве происходит Большой Взрыв, возникает Вселенная, а впоследствии и жизнь на планете Земля в качестве венца творения Высших сил Света. В то же самое время противоборство Добра и Зла зависит от воли людей и человеческих сообществ, их окончательного метафизического выбора. Отказ человека или народа от осуществления собственной миссии ведет к торжеству Зла на отдельно взятом пространстве, либо на территории проживания определенной общности, либо в душе отдельно взятого человека. Посмертная человеческая жизнь, место человека в потустороннем мире напрямую зависит от прожитой им земной жизни и степени реализации Высшей Светлой Божественной Миссии. Определить и реализовать ее – задача человека, которую он решает на протяжении всего жизненного срока.

Красная Метафизика, таким образом, синтезирует основы христианства и красного коммунистического проекта. В Теологии Освобождения – латиноамериканском варианте католицизма – Христос изображен как первый революционер, осуществивший глубинную трансформацию мира во имя высших богочеловеческих основ. Именно парадигма Красной Метафизики дает возможность не только окончательно примирить православный и коммунистический миры, но и создать базу для их стратегического союза, а также для новой основы, дающей возможность нащупать траектории российского цивилизационного исторического пути, равно как и его близкое и дальнее Будущее.

Сверхмодерн – российское ноу-хау, то есть то, что должна Россия явить мировому пространству в качестве Проекта Спасения и последующего пути развития. Именно поэтому российские исторические реалии имеют в рамках вышеуказанной проблематики огромное значение.

В сверхмодернистских идеологических наработках большое внимание уделяется советскому наследию. Советский Союз на сегодняшний день – высшая точка развития российской цивилизации. В то же время крах СССР заставляет искать в его бытии уязвимые места, удары по которым привели к исторической трагедии, равно как и потенциал, нереализованный в советское время и ждущий своей реализации будущими поколениями. Попробуем тезисно ответить на вопрос о главных несущих конструкциях, ослабление или недостраивание которых приобрело к указанному негативному результату:

– *отсутствие в СССР «орденских» элитных структур, отвечающих за идеологию и смыслообразование.* Когда в позднесоветское время идеологические установки более раннего характера стали устаревать, общество, не получая новых энергоинформационных сообщений, начинало остывать и дезинтегрироваться на различные социальные микрогруппы со своей «системой ценностей». По мере усиления указанного процесса он приобрел необратимый характер и завершился горбачевской «перестройкой», в процессе которой своя же элита уничтожила собственную страну;

– *отсутствие у советского строя глубинной метафизической легитимации и «храмовой оснастки».* Все силы были брошены на «сегодня» и «сейчас», на современный жизненный миг, на решение «насуточных» проблем. Основополагающая идейно-смысловая жажда человека, как единственного существа в мире, осознающего свою смертность, решена не была, что порождало, в особенности в сравнительно благополучном позднесоветском обществе, серьезный метафизический и слабо осознаваемый дискомфорт;

– *Ослабление многих раннесоветских социокультурных кодов, многие из которых подразумевали сочетание в высшей степени сильной государственной власти при сохранении значительной автономии низовых субстанций при условии объединения верхов и низов общей системой целей.* В качестве примера приведем мощнейшую государственную организационно-идеологическую политику сталинского СССР и автономию, которой наделялись советские академгородки в плане решения собственных финансовых, организационных и производственно-интеллектуальных вопросов; сочетание сверхцентрализованного планиро-

вания и наличие артелей – частных производственных коллективов, производящих огромную номенклатуру товаров с их вписанностью в систему общих задач; исключительно удачное сочетание идейно-социальных и материально-статусных стимулов к работе; механизм ценообразования, существовавший благодаря работе сталинских специалистов высочайшей квалификации, планировавших систему цен исходя из динамично меняющегося спроса и предложения. То же самое касается и культурной сферы. В рамках жесткого идеологического диктата оказался возможным колоссальный культурный подъем, затронувший практически каждую сферу советского искусства. Однако все эти механизмы уже во времена Хрущева резко ослабили свою значимость. Идеологических месседжей становилось все меньше, «автономизацию низов» принудительно сокращали, а государство все больше бюрократизировалось и теряло смысловую основу. Чтобы эти ошибки не повторялись в будущем, этот опыт должен быть глубоко изучен.

«Русский вопрос». Русский народ – народ государствообразующий. Его духовное здоровье напрямую определяет как благополучие удерживаемого им государства, так и жизнедеятельность других народов, населяющих территорию России. Согласно социологической конструктивистской концепции этничности народ – это общность людей, связанных единой духовной надстройкой, определенной системой социокультурных кодов. В соответствии с данной теорией, народы могут «собираться и разбираться». Опираясь на вышеуказанные теоретические постулаты, постараемся вычислить главные социокультурные коды русского народа, позволившие ему создать огромную многонациональную идейно-смысловую империю:

– *обращенность к Небу, созерцание как вид духовной деятельности.* Русский человек, любящий природный пейзажем, красивым городским видом, просто глазами любимого и близкого человека, способен улавливать в увиденном вселенскую, бытийственную глубинность, увлекаться и наслаждаться ею, а затем долгое время находиться под впечатлением испытанного. Подобный тип мировосприятия делает для русского человека доступным большой пласт необходимого духовного знания;

– *трансляция высших смыслов как ведущая и жизненаправляющая сила.* Средневековые монахи, шедшие за тридевять земель купцы, строящие новые города князья и цари, советские создатели «великих строек» – всех их объединяло изначальное принятие определенных идей и смыслов и внутренняя страсть донести «истинное слово», «истинное знание» до самых дальних городов и весей. Во имя осуществления смысловой трансляции русский человек мог совершать подвиги, идти на небывалые испытания, он видел в этом высший долг, цель, которой, надо неуклонно следовать;

– *чуткость к смысловым вибрациям внешней среды.* Русский человек, приходящий и поселяющийся в иной социальной среде, удивительно быстро осваивал психологию соседнего народа, основы его быта и жизнедеятельности, начиная с особенностей национальной кухни и заканчивая тонкими чертами ментальности, в то же время оставаясь русским. Русские люди, проживающие в различных регионах постсоветского пространства, сильно отличаются друг от друга, в то же время в большинстве своем сохраняя собственное национальное самосознание;

– *особенности русской индивидуальности и русской региональной спецификации.* Трансляционно-смысловая функция русских при обостренной нравственной чувствительности к ареалам их постоянного проживания создавала в рамках исторической России множество региональных субукладов. В Воронежской области, к примеру, у людей складывался один менталитет, в Самарской другой, в Челябинской третий. Более того, степень изначальной «русскости» различалась у людей в зависимости от региона проживания. Русский человек, живущий в Средней Азии, легко осваивал языковые наречия и бытовые особенности региона, при этом оставаясь посланцем «русского мира смыслов». Именно в этом и есть разгадка тайны дореволюционной России и СССР как многонациональных империй, живущих единым государственным бытом;

– *антиномия каждодневной общинности и глубокой личностной автономизации в чрезвычайных условиях*. Русский человек, глубоко общинный по своей природе, попадая в чрезвычайные жизненные ситуации, демонстрирует потрясающую автономию своей воли, энергичность, смекалку, изобретательность, удивительное упорство и мужество. Особенно интересен в этом отношении образ капитана Тушина в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Однако как произведения культуры, так и текущая повседневность дают обширную возможность для иллюстрации вышеуказанного тезиса.

О социокультурных кодах русского народа необходимо накапливать дальнейшее знание. Это поможет созданию реалистичных и перспективных программ для дальнейших политических действий. Более того, лицам, выступающим от имени российского государства, общаясь с широкими массами людей, необходимо обретать эпический дискурс, позволяющий отдельно взятому человеку почувствовать себя частью общероссийской и русской целостности и, таким образом, верно интегрироваться в тот или иной процесс, инициируемый политическим активом движения.

Регионы постсоветского пространства: проблематика социокультурных кодов. Проблема сверхмодерна неизбежно связана с проблематикой евразийского постсоветского пространства. XXI век – век становящихся империй. Право на жизнь и какую-либо геополитическую и стратегическую независимость на сегодня имеют социальные образования, насчитывающие в своем составе не менее нескольких сотен миллионов. Нынешняя стасорокамиллионная Россия, атакуемая в перспективе одновременно постмодерном с Запада, контрмодерном с Юга и догоняющим модерном с Востока, выстоять будет просто не в состоянии. Исходя из этого, вопрос о реинтеграции советско-евразийского цивилизационного пространства в единое историческое целое стоит для России как нельзя актуальнее.

Идеалом сверхмодернистского будущего для России является построение «СССР-2.0» – крупной евразийской державы, ментальность которой отстроена на творческом и глубинном синтезе всех эпох российской истории с акцентом на лучшие черты советского государственного проекта. Реализовать данный идеал возможно только при крайне внимательном отношении к социополитическим и социокультурным процессам в каждом отдельном постсоветском регионе.

Если взглянуть на карту бывшего СССР, можно заметить одну весьма интересную вещь. В одних регионах постсоветского пространства ячейки «Сути Времени» – упомянутого выше сверхмодернистского отечественного движения – представлены плотно. На других же территориях нынешней РФ и постсоветских республик они отсутствуют вовсе. Причина этого не только в недостатке работы политического актива движения с соответствующими территориями. Многочисленность «сутевских» ячеек стремительно стала появляться там, где русско-советская идентичность сохранилась больше и лучше всего; причем определяющим моментом здесь явилась не преданность и благодарность соответствующего населения современной России (как, например, в Приднестровье или Южной Осетии), а именно внутреннее самоощущение «рожденности в Великой России – СССР» на уровне глубинных слоев общественной ментальности. Как ни странно, современная «пророссийскость» того или иного постсоветского региона еще не гарантирует его устойчивой «русско-советскости». К примеру, в современной Средней Азии, в особенности в Таджикистане и Киргизии, сторонников теснейшей интеграции с Россией подавляющее и активное большинство, а представительств «Сути Времени» нет. Это объясняется тем, что большинство тамошней активной и пассионарной молодежи ориентировано на исламские ценности либо на имеющие корни в досоветском прошлом культурные течения, делающие акцент на возрождении национальной культуры конкретного народа. Парадокс ситуации заключается в том, что сами среднеазиатские «нации» – продукт СССР «а-ля модерн» в чистом виде, но антисоветская пропаганда последних десятилетий сделала все, чтобы этот факт оказался не удостоенным внимания. Очень похожие тенденции

наблюдаются в ряде республик Северного Кавказа. Здесь ситуация осложняется еще и тем, что многие национальности до Октябрьской революции действительно имели мощную культурную основу в виде обычаев и традиций, что и дает дополнительную возможность молодежи «уходить к истокам», уделяя при этом очень малое внимание основам общероссийской исторической идентичности. В независимой ныне Абхазии, к примеру, это приобретает и вовсе пугающие размеры. В данном молодом государстве последние годы стал развиваться культ махаджирства – явления, присущего нескольким предыдущим столетиям, когда значительная часть абхазов под воздействием ряда факторов, в том числе русско-турецких войн, эмигрировала в Малую Азию. Сегодня потомки указанных переселенцев вновь возвращаются на историческую родину, для них строится современное жилье, в их честь называются улицы и т. д. Сами вернувшиеся махаджиры имеют менталитет, в корне отличающийся от менталитета современных абхазов, у них нет советского и постсоветского опыта общежития с другими народами нашей страны, в них изначально отсутствуют социокультурные коды многонациональной российской цивилизации. Идеологический синтез современной Абхазии с махаджирами может иметь исключительно антироссийский и, прежде всего, антирусский характер. Увы, под влиянием вышеуказанных идеологов находится значительная часть современной абхазской молодежи. В Южной Осетии настрой общества исключительно пророссийский и прорусский, однако там имеются проблемы другого порядка. Значительная часть южноосетинской интеллигенции мыслит в антисталинском контенте, ибо видит в Сталине могущественную прогрузинскую и антиосетинскую силу. Антисталинский контент неизбежно становится антисоветским, ибо советский период начинает мыслиться вышеуказанными субкультурами в контексте грузинской оккупации. Данный взгляд неизбежно будет в перспективе бить по русским как государствообразующему народу, равно как и по перспективе жизни наших народов в рамках одного социокультурного поля. Не проще ситуация и в абсолютно пророссийском Приднестровье. В этом краю вышеописанные нами ментальные свойства русского народа проявлены с наибольшей силой. Смелые, отважные и исключительно храбрые в чрезвычайных ситуациях люди, в обыденной жизни часто демонстрируют свойства патриархального менталитета отдаленной и осажденной крепости. В этих условиях создание в республике любого межгосударственного движения, ориентированного на установки, хоть сколько-то отличающиеся от установок сегодняшней российской властной вертикали, будет делом трудным.

Вышеуказанную региональную проблематику можно обсуждать долго, но выход из этой ситуации всего один. Как Российское государство в целом, так и отдельные представители его гражданского общества могут прямо или косвенно способствовать решению текущих и стратегических проблем, выстраивая собственную систему отношений с государствами и гражданскими обществами соответствующих государств постсоветского пространства. Работая шаг за шагом с целью восстановления границ великой и многонациональной Российской державы в границах постсоветского пространства (выражаясь на языке актива «Сути Времени», строя «СССР-2.0»), мы должны в каждом регионе постоянно искать и находить внутренних сознательных и дисциплинированных союзников, с которыми следует вырабатывать общую ментальную языковую основу.

Сверхмодернистскую проектную базу нашего будущего необходимо строить. Сверхмодерн нужно собирать по крупицам, в том числе по крупицам региональным. Почти в каждой области постсоветского пространства есть свое тайное, неформализованное знание, собирание и синтез которого даст Новой России спасение и предопределил ее историческое будущее. Собрать его, однако, можно, только тщательно работая с каждым отдельно взятым постсоветским регионом. Только так новое домино сверхмодерна будет собрано.

Строить каналы взаимодействия между российскими и постсоветско-республиканскими структурами гражданского общества возможно будет не во всех регионах. Где-то этому будет мешать существующий политический режим (как, например, в сегодняшнем, во многом тоталитарном

литарном Узбекистане), а где-то ментальность политического актива региона окажется к этому не готова. В то же время российскому политическому активу при всесторонней помощи и поддержке государства необходимо отыскивать людей с соответствующими взглядами и качествами, налаживать с ними как общеидеологический так и практически-прикладной диалог. Не получается, к примеру, создать организацию сверхмодернистского и российско-советского целеполагания – помогаем создать союзную ей политическую организацию, либо блокируемся с кем-либо из уже существующих субъектов социально-политического процесса. Невозможна политическая организация – устанавливаем контакт с уже существующей союзной группой, которой близка русско-советская идентичность, либо координируем процесс создания подобной организации и ее последующее превращение в подлинное социокультурное сообщество с просоветской и пророссийской ориентацией.

Для подобной работы нужны люди, отлично владеющие средствами современной коммуникации, коммуникабельные сами по себе и способные высококачественно транслировать идеологические меседжи российского сверхмодерна. Только многоплановый диалог с представителями различных социокультурных групп постсоветского пространства и нахождение на этом поле союзников позволит говорить о перспективе дальнейшего восстановления СССР – как конечной цели в долгосрочной перспективе, естественно, в существенной степени улучшенного и обновленного.

Мировая проблематика и новая доктрина Жизни. Сверхмодерн, постепенно занимающая в России место политико-идеологической матрицы жизнедеятельности, не сможет развиваться изолированно от родственных ей мировых политических сил. Современный еврокоммунизм и новые левые движения Запада, рассматривающие коммунистическое учение как реальную мировую альтернативу, носители латиноамериканской «Теологии Освобождения», азиатские идейно-смысловые и организационные комплексы, базирующиеся на идее социального братства и развития человека, иные социальные и культурные феномены – все это должно стать предметом пристального внимания российского политологического и экспертного сообщества как объект ведения идеологического диалога и разговора о выработке возможных дальнейших практически-прикладных действий.

Перед российским идейно-политическим активом стоит гигантская и вместе с тем насущная задача выработки многоплановой доктрины всех сторон жизни современного общества. Эта доктрина по определению должна быть общемировой и альтерглобалистской.

Постараемся определить тезисы, вокруг которых следует вести вышеуказанные доктринальные дискуссии:

– *к государству следует применить определение С. Е. Кургияна как к «средству, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение»;*

– *основополагающим принципом новой социальной организации должна стать персоналистическая общинность.* Законы этнической, национальной либо мировой общины должны сочетаться с гибкими элементами и структурами, позволяющими ей осуществлять непрерывный диалог со своими членами, главной целью которого должно стать стремление к всестороннему и перманентному развитию;

– *природа и вселенная – гармоничная и одухотворенная среда человеческой жизни.* Только в соответствии с этими принципами и этим миропониманием должны идти дальнейшее освоение природы и колонизация космоса;

– *семья – малая сверхмодернистская община.* Новой идеологии должна быть известна самоценность семьи как единого и цельного образования в купе с ее ролью в процессе подъема и развития каждого отдельно взятого человека;

– *борьба с бедностью – основа нового мирового социально-политического процесса.* Борьба с материальными лишениями как таковыми будет, однако, наиболее эффективной, если

она станет проходить параллельно с культурной трансформацией человека, его выходом на принципиально новый уровень своего развития и самосознания.

Главным выводом из всего вышесказанного является насущная необходимость глубинной самотрансформации идейно-политических основ российской государственности, приобретение ими нового качества, их коренное и глубинное обновление. Только взяв необходимые идейно-смысловые рубежи, они в дальнейшем смогут стать подлинным мотором отечественного и мирового социально-политического процесса. Идейно-смысловые наработки подобного рода в России имеются, осталось лишь должным образом актуализировать их и направить государственно-властную волю к их последующей стратегической реализации.

1.4. Проблемы российской государственности: региональный аспект

Выдающийся российский обществовед В. В. Кожин писал в одной из своих работ, что Россия и Запад в цивилизационном отношении «равноправны и равноценны»⁷. Чтобы убедиться в правоте вышеприведенной точки зрения, следует проехать по России хотя бы полторы-две тысячи километров. Разнообразие природного ландшафта, менталитета населения, культурных традиций и экономического уклада скажет само за себя. В. В. Кожин также говорил, что, переехав из одной страны Запада в другую, никогда не найдешь столько различий, как если переехать из любой страны Запада в Россию. Перефразируя Кожина, можно сказать, что, переезжая из одной страны Запада в другую, не всегда найдешь столько отличий, как если поменять место жительства, переехав на дальнейшее расстояние из одного российского региона в другой.

Наличие вышеуказанных особенностей во многом объясняется многовековой исторической спецификой формирования российского государства. Россия на протяжении веков втягивала присоединенные народы в свою общественно-политическую и духовную жизнь как равных членов коллективного сообщества, в то же время не ломая их традиционно сложившегося жизненного уклада. Вышеуказанный фактор объясняет причины асимметричности государственного устройства, издавна имевшего место в Российской Империи. К примеру, Царство Польское уже с 1815 года имело свою Конституцию. В то же самое время власть в присоединенных к России в XIX веке княжествах и ханствах Северного Кавказа и Средней Азии в основе своей сохраняла старую средневеково-феодальную сущность. После Октябрьской революции 1917 года и последовавших за ней дальнейших событий происходит заметная формально-юридическая унификация национально-государственного устройства страны, однако и в этих условиях оно продолжает проявлять существенную специфику.

Более того, как уже говорилось выше, само русское ядро государства и сами русские как государствообразующий народ никогда не представляли из себя нации по западноевропейскому образцу, которую связывает лишь очень малое количество признаков социальной самоидентификации. Русский народ во все времена являлся гиперэтническим образованием, включающим в себя множество субэтнических групп, скрепленных друг с другом мощной идейно-смысловой основой и системой исторических символов.

На сегодняшний день, характеризуя сложившееся положение вещей в рамках регионального аспекта российской государственности, можно прийти к следующим положениям.

1. Каждый регион России (субъект современной Российской Федерации) имеет собственную уникальную ментально-культурную основу, нашедшую отражение в специфической системе социокультурных кодов. Их изучение и дальнейшая формализация вышеуказанного знания является огромной насущной задачей сегодняшнего российского обществоведения. Указанное знание ценно не только само по себе. В будущем оно обязательно послужит бесценным строительным материалом для общероссийской цивилизационной самоидентификации.

2. Ментально-культурные границы российских регионов довольно сильно размыты и очень часто напрямую не совпадают с их географическими очертаниями. К при-

меру, население Прохладненского района Кабардино-Балкарии значительно ближе к социумному типу Ставропольского края, чем к указанной выше республике. Юг Ростовской области находится под серьезным ментальным влиянием Краснодарского края и контрастирует с остальной частью региона. В Смоленской области ряд сел использует в разговорной лексике элементы белорусского наречия, в то время как для многих населенных пунктов Восточной Белоруссии присущ чистый литературный русский говор.

3. Большинство субъектов Российской Федерации имеют многонациональную и многоконфессиональную природу. К примеру, в Мордовии преимущественно русскоязычная столица – город Саранск окружен множеством татарских и татароязычных сел. Места же компактного проживания мордвин (мокша, шокша, эрзя) находятся существенно дальше от республиканского политического центра.

4. Национальная самоидентификация для большинства жителей регионов России не имеет преимущественного значения перед самоидентификацией региональной. Иными словами, принадлежность к тому или иному региону, как правило, значительно важнее принадлежности к той или иной нации. К примеру, татары Нижегородской области по своим ментально-культурным свойствам имеют сильное отличие от татар, проживающих в Республике Татарстан, а мордвины Самарской области никак не идентифицируют себя с соплеменниками в Мордовии. В то же самое время национальная самоидентификация бывает важна при решении внутрирегиональных вопросов. Чуваши и мордвины Самарской области могут, к примеру, самоидентифицироваться по-своему, но оставаться при этом в рамках самарского ментально-культурного мира.

5. Внутри каждого российского региона существует сильная самоидентификация населения в зависимости от района его проживания. Образно говоря, в процессе пространственной самоидентификации отдельно взятое муниципальное образование будет сродни крупному региону, субъект Федерации – целой стране. Россия же как ментально-культурная целостность и общность оказывается сродни огромному, необъятному и чрезвычайно сложно устроенному миру.

6. В различных регионах России можно выделить социально-политический актив (примерно 10–15 % населения), ежедневно интегрирующих себя в общероссийскую и мировую актуальную «новостку дня». Эти группы следят за новостными лентами в СМИ и имеют по вопросам текущей государственной жизни четкую и оформленную позицию. В дополнение к общероссийскому активу можно выделять актив сугубо региональный и субрегиональный. Чем ближе к «земле», обуславливающей решение для отдельно взятого человека совокупность узкоотеческих и бытовых потребностей, тем больше соответствующий актив населения.

7. Для жителей российских регионов характерен определенный уровень межрегиональной и макрорегиональной самоидентификации. К примеру, жители Самарской, Саратовской и Ульяновской областей относят себя к Поволжью, жители Свердловской, Челябинской и Оренбургской областей – к Уралу. В то же время ментальность в рамках одного и того же макрорегиона может отличаться в весьма существенной степени. Степной Оренбург, растянувшийся вдоль казахстанской границы на сотни километров, значительно отличается от металлургического и машиностроительного Челябинска, причем не только природой и экономической структурой, но значимыми социокультурными особенностями.

8. В эпоху двадцатилетнего социально-экономического и духовно-культурного регресса, идейно-смыслового вакуума в рамках российского государства как органической целостности на жизнь в российских регионах стала влиять определенная система социализирующих факторов. Их количественное и качественное соотношение различно в зависимости от конкретного региона и его социальной среды. В обобщенном виде, однако, она сводится к следующим параметрам: а) общероссийским дореволюционно-православным и красносоветским социокультурным кодам. Указанная социумная почва выдерживает масштабные

системные удары и до сих пор оказывается на удивление крепкой. Скажем без преувеличения, что единство страны держится именно на ней. В то же время ее возможности не бесконечны, и без должной поддержки и обновления этот потенциал со временем может иссякнуть; б) *системе социокультурных кодов межрегионального и собственно-регионального типа*. Ее качество весьма различно в зависимости от каждого отдельно взятого региона. Где-то она, как, к примеру, в регионах Южного Урала, имеет выраженный общероссийский центростремительный характер, а где-то присутствие целостной государственнической субстанции оказывается далеко не на переднем плане. В региональных социокультурных системах как таковых имеется очень большой позитивный потенциал. В то же время чрезвычайно важно, чтобы в региональные социокультурные матрицы не вживались вирусы сепаратизма и иные идейно-смысловые конструкции, идущие во вред целостному российскому государству, а если такие случаи происходят, то с ними необходимо осуществлять всестороннюю последовательную борьбу. В качестве соответствующих негативных примеров можно привести работу китайских элитных групп на Дальнем Востоке, общеевропейских групп в Калининграде, финских – в регионах с угрофинской титульной нацией, норвежских – в Архангельской области и т. д. Еще одна опасность чрезмерной увлеченности региональной повесткой дня состоит в замыкании каждого отдельно взятого субъекта федерации на самом себе и потери почвы для общероссийского социокультурного диалога. В эпоху сегодняшнего отсутствия развитой общероссийской идеологической и информационной инфраструктуры, интегрирующей регионы в единое целое, данная тенденция грозит серьезными опасностями; в) *системе идущих из центра постсоветских социокультурных месседжей*. К сожалению, по большей части они имеют не созидательный, а деструктивный характер. Месседж негативного характера, тем не менее, имеет все шансы интеграции в сегодняшнюю региональную жизнь. Его отражение может быть двояким: какие-то социальные среды будут его усиленно принимать, кто-то попытается с ним сжиться, а кто-то будет оказывать ему ползучее позиционное сопротивление. В общем и целом, при сегодняшнем отсутствии идейно-смысловой органики российского государства вышеуказанная система скорее работает на его дезинтеграцию, нежели на его укрепление.

Затронутая нами тематика, несмотря на очевидную актуальность, относится к числу малоисследованных. Знание по ней, трудно собираемое и еще более трудно формализуемое, предстоит многократно умножать. Указанное обстоятельство диктует нам задачу в рамках настоящей книги дать лишь общую характеристику различных регионов России, основанную на перечисленных и приведенных выше параметрах.

Москва. Москва – самый крупный российский общественно-политический и финансовый центр, столица Российской Федерации. Через Москву так или иначе проходит более 80 % всех финансовых потоков, задействованных в российской экономике. Указанный фактор дает большие дополнительные возможности широким слоям городского населения в плане материально-бытового устройства и профессиональной самореализации.

Ментальное восприятие Москвы жителями российских регионов неоднозначно. Говоря о нем, необходимо учитывать специфику каждого отдельного региона, структуру его исторических, экономических и иных связей со столицей. К примеру, жители Северной Осетии воспринимают Москву по большей части в положительном значении государственно-символического и идеологического центра, в то время как население многих регионов Урала образ Москвы транслирует скорее негативно, в качестве силы, которой необходимо подчиняться вследствие отсутствия на российском цивилизационном пространстве какой-либо иной приемлемой альтернативы. В общем и целом, однако, Москва предстает перед региональными жителями в интегральном образе, одновременно включающем в себя целый ряд противоречивых характеристик: а) в роли единого властного центра и политико-идеологического транслятора определенных потоков энергии и информации; б) в роли места, где живут «однозначно лучше» и где возможно с помощью небольших усилий заработать «легкие деньги»; в) в роли инстан-

ции, с существованием и деятельностью которой приходится сверять наличие своих материальных и духовных потребностей. К примеру, человек, занятый в Москве на приличной работе либо просто имеющий возможность регулярно посещать столицу по социальному статусу будет однозначно выше людей, такой возможности не имеющей. Этот фактор диктует воспринимаемому феномену Москвы целую гамму чувств: кому-то – добродушное восхищение, а кому-то – раздражение и озлобленность.

Само московское каждодневное социальное бытие представляет из себя огромную тайну, которую еще предстоит разгадать. К примеру, никто не может достоверно описать численность московского населения. Кто-то сообщает цифру в 12 миллионов, кто-то говорит о 17 миллионах, а кто-то – о 20.

В Москве одновременно проживают друг с другом бок о бок тысячи различных социальных групп: этнических, региональных и субрегиональных, конфессиональных, профессиональных и других. Экономические бедствия последних десятилетий в России и на постсоветском пространстве привели в Москву огромное количество людей с целями получения элементарного заработка. Многие из них не имеют опыта социализации в крупных городах и не могут социализироваться, даже проживая здесь многие годы. Таким образом, многовековая социокультурная матрица Москвы постепенно стирает свои грани, ибо работа по ее поддержке несопоставима с нагрузкой, которую ей приходится ежедневно выдерживать.

Современная Москва – бурлящий культурно-ментальный котел, состоящий из огромного количества самых разнообразных элементов. Впрочем, данный котел трудно назвать ценностно-ориентированным, социальные правила современной Москвы скорее предписывают погоню за финансовым, карьерным либо иным успехом, нежели стремление к следованию определенным идейно-смысловым основам. Во многом по этой причине некоторые элементы этого своеобразного котла сознательно уходят от такой социализации, замыкаясь в границах либо собственных религиозных и субрелигиозных миров (к примеру, радикальных исламитов в Москве много, а это напрямую представляет для нее значимую угрозу), либо в «мирах» региональных и контркультурных, выражая, таким образом, незримый протест функционирующему социуму столицы.

Сама по себе социальная стратификация в пределах Москвы исключительно сложна. Когда-то главенствующую роль играет наличие у субъекта определенного финансового состояния, когда-то – региональное и субрегиональное происхождение, а когда-то – должностное положение. Изучение этой данности затруднено вследствие сосуществования в пределах одного города десятков миров, живущих в собственных социокультурных измерениях, которые при этом весьма трудно выявить и представить в соответствующем транспарентном виде.

Еще одной проблемой Москвы является ее огромное социальное расслоение. Ежемесячный уровень доходов московского населения разнится в сотни раз. Топ-менеджеры крупнейших российских сырьевых корпораций могут бок о бок проживать рядом с дворниками-мигрантами из Средней Азии или сотнями тысяч продавцов мелкой розничной торговли из различных регионов России, работающих практически без выходных по 12–14 часов в день и получающих при этом воистину мизерную зарплату.

Еще одна важная проблема Москвы – крупнейшая социоэкономическая и социокультурная дифференциация по территориальному признаку. Фешенебельные кварталы Москвы-Сити со стоимостью жилых помещений в 10 миллионов долларов и выше находятся в полчаса езды на метро от Гольяново – района на Востоке Москвы, до которого пульс столицы уже не доходит вследствие вызывающего уровня бедности, безработицы, преступности, алкоголизма и наркомании, а также ужасающей работы районных социальных учреждений и властных инстанций. Подобных примеров в Москве можно привести множество.

Еще одной крупной проблемой столицы является ее социотехническая составляющая. Система массовых жилищно-коммунальных и прежде всего транспортных коммуникаций

закладывалась в советское время и ежедневно выполняет нагрузку, многократно превышающую предусмотренную для нее нормой вследствие колоссального количества жителей и ежедневного пассажиропотока людей. Указанная сфера требует внимательного и комплексного отношения к себе с целью изменения вышеуказанной ситуации, иначе возникшие в будущем проблемы могут возыметь катастрофический и необратимый характер.

Решение основополагающих проблем Москвы не поддается исключительно внутримосковскому уровню работы ее властной вертикали, ибо они, в свою очередь, являются своеобразным отражением проблем общероссийских. Как России в целом, так и Москве в частности необходимо обрести собственные бытийные смысловые принципы и основы стратегического многолетнего целеполагания. Только так в будущем в столице можно будет избегать строительства уродливых многоэтажек, ломая при этом вековой архитектурный масштаб города, вырубать бесценный лесной фонд, являющийся экологической гарантией жизни огромного количества людей в угоду транспортным и иным компаниям, прокладывающим дороги и строящим транспортно-пересадочные узлы в совершенно неподходящих для этого местах.

Оптимизировать количество ежедневно проживающих людей в Москве можно, только восстанавливая элементарные социально-экономические условия жизнедеятельности в российских регионах и возвращая свое геополитическое и геоэкономическое влияние на постсоветском пространстве. Необходимо, чтобы в Москву, как в предыдущие эпохи, ехали жить и работать только люди, которые сознательно этого хотят, а не те, которых заставляет это делать жизнь в отсутствие какой-либо иной приемлемой альтернативы. Только этим способом в Москве может быть снята ментально-культурная напряженность и элементарно восстановлена ее социумная целостность.

Санкт-Петербург. Данный город не зря был признан вторым по счету городом федерального значения и культурной столицей Россией. Три века Петербург являлся столицей Российской Империи, что повлияло на его историческую судьбу огромным образом, а пережитая в советский период блокада навсегда вписала неповторимую страницу массового мужества и героизма Петербурга-Ленинграда в мировую историю. В то же время современный Петербург в социокультурном и социально-идеологическом плане едва ли можно признать ведущим центром российской общественной жизни. На сегодняшний день этот город представляет из себя довольно замкнутое и преимущественно ориентированное на себя пространство. Ярко выраженная европеизированность населения, совокупность европейских манер и этикетов, усвоенная петербуржцами и каждодневно используемая в контраст и в противовес другим российским регионам, – важнейшая черта нынешней городской реальности. Сплав доставшейся от предков глубинной российской державности и патриотизма с западничеством представляет серьезнейшую обществоведческую петербургскую тайну. Стремление к «сильной России в клубе великих западных держав», смотрение свысока на другие регионы России в смысле их недостаточной «европейскости» и стремление изжить из них «азиатчину», нелюбовь и ревностное отношение к Москве, «ведущей Россию в азиатские тупики» и «транслирующей регресс и распад нравственности», – типичные социокультурные составляющие сегодняшнего петербургского социума, без которых весьма трудно понять жизнь города.

И для Москвы, и для Петербурга характерна «самодостаточность ментальности». Иными словами, если жители других регионов России так или иначе соотносят себя с другими более крупными макрорегиональными пространствами, то обе столицы в этом смысле замкнуты сами на себя.

Северо-Запад России. Российское пространство, включающее в себя ряд областей Северо-Запада (Новгородскую, Тверскую, Псковскую области, Карелию и др.) при всем различии друг от друга имеют многие определяющие черты. Отсутствие чернозема в географическом пространстве и не очень благоприятные климатические условия испокон веков создавали здесь зону «рискованной урожайности» при больших трудовых затратах. Это обстоятельство

предопределило особые ментальные свойства проживающего здесь населения. Его генезис также формировался на основе смешения приходящих сюда славян с народностями финно-угорской группы (чуди, веси, води и др.), что тоже не могло не отразиться на его темпераменте. Приезжающие из иных регионов люди часто отмечали «меланхоличность», «неулыбчивость» местного населения, его «повышенную эмоциональность» и «любовь к страданию». Регион оказался весьма успешен для различных видов промышленности, прежде всего обрабатывающей, благоприятным к стабильному, спокойному и в меру напряженному ритму.

По мере продвижения к северным широтам ментальность Северо-Запада все больше и больше уступает ментальности **Севера**, ярким представителем которой выступают Мурманская, Архангельская области, республика Коми, отчасти Вологодская и Костромская области. На Севере нет места меланхоличности, там имеется исключительная выносливость населения, сила его характера и вместе с тем большая любовь к своему жизненному укладу, перемешанная с чувством патриотизма и долга перед Родиной. Это можно объяснить не только суровыми условиями проживания, но и особенностями труда северян, большинство из которых сгруппировано вокруг определенных военно-стратегических объектов и баз либо предприятий добывающей промышленности.

Крайний Север – исключительно геополитическое и геоэкономическое богатство России, требующее, однако, к себе особого уважения и внимания. По мере усиления в России регрессивных тенденций жизнь на крайнем Севере, и без того трудная, стала еще более ухудшаться, что неизбежно ведет к оттоку оттуда значительных масс населения. Складывающаяся ситуация используется в своих интересах другими государствами: кем-то – с целью максимального ослабления военно-стратегического могущества России, а кем-то – с целью дальнейшего возможного расширения своей территории. Общеизвестны факты «поморского движения» в Архангельской области, активизируемого Норвегией, социокультурная экспансия Финляндии в регионы компактного проживания народностей угро-финской группы. Подобные примеры можно множить и множить, а потому политика российского государства в данной области должна неизбежно и стремительно изменяться.

Особое внимание в вышеуказанном аспекте должно быть уделено **Калининградской области** – небольшому анклаву, отрезанному волею исторической судьбы от основной части территории России, имеющему при этом огромное военно-политическое и геостратегическое значение. Европейская экспансия в Калининградскую область, имеющая экономический и культурный характер, облегченный порядок получения для ее граждан шенгенских виз, иная хорошо скоординированная система мер неизбежно ведут в данной области к центробежным тенденциям и потере ею прочной связи с российским государственным и цивилизационным пространством. Указанной проблеме должно быть уделено крайне серьезное внимание, иначе возникающие здесь трудности могут оказаться необратимыми.

Средняя полоса России. Обширный комплекс областей, лежащих к югу, востоку и западу от Москвы, в ментально-культурном отношении, несмотря на преобладание здесь этнически русского населения, имеет заметную пестроту и сложность. В Смоленской области в значительной степени представлен восточно-белорусский социокультурный тип, что в соотношении с историко-географической близостью с Москвой и особым вековым значением Смоленска в системе обороны столицы создает особый областной колорит и связанный с этим жизненный уклад. Брянская область, находящаяся в географической близости не только с Белоруссией, но и с Украиной, и имеющая вековой культурный обмен с нею, также повидала на своем боевом веку немало. Понятия «партизанского быта» и «партизанской субкультуры» тесно вошли в ментальность проживающего здесь населения.

Серьезные особенности имеются и в жизни «среднерусского Черноземья» – Тульской, Орловской, Курской, Липецкой и Тамбовской областей. Спокойный и устойчивый климат, высокая земельная урожайность, наличие большого количества солнечных дней в году отрази-

лось на жителях регионов, придав им добродушие, простоту, открытость, трудолюбие и уравновешенность. В Воронежской и Белгородской областях значительное влияние имеет новороссийская (восточно-украинская) ментальность, которую легко увидеть при сопоставлении как особенностей характера и темперамента вышеуказанных социумов, так и их жизненного уклада.

Области к востоку и северо-востоку от Москвы (Рязанская, Владимирская, Ивановская, Ярославская области) также имеют существенное значение и особенности. Отсутствие чернозема испокон веков заставляло жителей указанных регионов осваивать различные виды промышленной деятельности, промыслов, сохранять привычку к коллективному ежедневному напряженному труду, что нашло отражение в их деловитости, предприимчивости и необходимой для дела коммуникабельности. В указанных областях находится большое количество объектов Золотого кольца России – комплекса древнерусских памятников архитектуры и святых мест, возникновение которых сыграло решающую роль в становлении и развитии ее исторической судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.